

УДК 929

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ СТРЕЛЬНИКОВ. ЧАСТЬ 1. УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

ЧЕРЛИН

Владимир Александрович

Дагестанский государственный университет,

cherlin51@mail.ru

Ключевые слова:

биография
экология
сравнительная
физиология
эволюция

Аннотация: В статье описан удивительный жизненный путь Ивана Дмитриевича Стрельникова – крупного российского/советского биолога, работы которого сейчас, к сожалению, вспоминают нечасто. Он родился в отдаленной российской деревне Тамбовской губернии в бедной крестьянской семье в 1887 г. С детства он обладал важными качествами – тягой к знаниям и любовью к природе. Он окончил церковно-учительскую школу в Смоленской губернии, учился в Вольной высшей школе профессора Петра Францевича Лесгафта в Санкт-Петербурге, был его учеником и соратником. Позже стал учеником и соратником замечательного биолога Сергея Ивановича Метальникова. В 1914–1915 гг. во главе студенческой группы совершил экспедицию в Южную Америку, которая собрала уникальный биологический и этнографический материал. Работал в Италии на русской биологической станции в Виллафранка, некоторое время работал в Париже в лаборатории И. И. Мечникова и в США в лаборатории Т. Морган, был знаком с И. П. Павловым, ездил стажироваться в Германию и другие страны Европы. Еще будучи студентом, И. Д. Стрельников начал вести преподавательскую деятельность. Параллельно с этим он вел активные научные исследования. В 1935 г. ему была присуждена степень доктора биологических наук без защиты диссертации. Он способствовал созданию Географического института, ставшего в дальнейшем географическим факультетом ЛГУ, был сотрудником кафедры зоологии позвоночных биологического факультета ЛГУ, в Зоологическом институте АН СССР организовал и некоторое время заведовал лабораторией экологии, преподавал в Ленинградском сельскохозяйственном институте, где создал кафедру зоологии и долго заведовал ею. Он изучал ряд важных проблем экологии животных, сравнительную физиологию, анатомию-физиологические основы видообразования позвоночных и имел более 100 научных публикаций. Работал в разных регионах СССР – от Арктики, Крыма, низин и высокогорий Кавказа до пустыни Каракумы. Скончался в 1981 г. в возрасте 93 лет.

© Петрозаводский государственный университет

Получена: 11 июня 2018 года

Подписана к печати: 15 октября 2018 года

Введение

Это первая (в серии из двух) статья о замечательном биологе Иване Дмитриевиче Стрельникове. Занимаясь всю жизнь термобихологией рептилий, мы знали о том, что в 30–40-х гг. XX в., первым в СССР, Иван Дмитриевич Стрельников опубликовал несколько статей на эту тему. Статьи были очень серьезными, научно выверенными, «академичными» и обращали на себя особое вни-

мание. Личность их автора представлялась весьма интересной. И нам захотелось узнать о жизни этого ученого.

Мы – типичные представители поколения научных работников, зоологов, родившихся в конце сороковых – пятидесятых годах XX в. Но для нас имя такого масштабного ученого, как Иван Дмитриевич Стрельников, который ко времени начала нашего научного развития еще активно работал, было практически

Рис. 1. Иван Дмитриевич Стрельников. 1964 г. (URL: http://www.rbcu.ru/upload/medialibrary/6e8/strelnikov_a00.jpg)

Fig. 1. Ivan Dmitrievich Strel'nikov. 1964

незнакомо. Мы узнали о нем только потому, что в одном научном направлении наши с ним научные интересы пересеклись. Если бы не это, мы бы о нем так и не знали. Поэтому, несмотря на то, что сейчас даже в Интернете можно найти довольно много информации о нем, подавляющее большинство биологов старшего и более молодых возрастов и искать-то не будут. Другими словами, важен не только сам факт наличия информации в доступной сети или даже опубликованных книг, важно, чтобы эта информация была востребованной и чтобы она находилась в зоне, которую ученые регулярно посещают, чтобы они на нее «наталкивались» и чтобы им захотелось с этой информацией познакомиться. Именно по этой причине, узнав о таком интересном ученом, мы решили на-

писать о нем еще одну статью и опубликовать ее в периодическом издании, которое у многих биологов регулярно находится «в поле зрения», «на контроле».

Материалы о жизни Ивана Дмитриевича Стрельникова мы почерпнули прежде всего из книги о нем, написанной с уважением и любовью его дочерью – Ниной Ивановной Стрельниковой, профессором СПбГУ, его сыном – Сергеем Ивановичем Стрельниковым, кандидатом геолого-минералогических наук, и внуком – Константином Сергеевичем Стрельниковым (Стрельникова и др., 2017). По сути, наша статья – это максимально аккуратная «выжимка» из упомянутой выше книги. Кроме того, мы использовали и другие источники (Жервэ, 2012; Вадимов, 2013), из опубликованной истории кафедры защиты и

карантина растений факультета агротехнологий, почвоведения и экологии Государственного аграрного университета (http://spbgau.ru/departments/iape/struktura/kafedry/kaf_zash_rast_i_kar/istoriya_kafedry), на сайте <http://konkvistador.ru/paragv-nadejda/191-ryatero-na-rio-paragvaj>, и других отдельных источников. Многие фотографии Ивана Дмитриевича – из книги Стрельниковой и др., 2017, другие – из разных источников в Интернете.

Начиная писать об Иване Дмитриевиче Стрельникове, хочется привести абзац из предисловия книги о нем, потому что лучшего начала статьи нам не придумать: «Жизнь Ивана Дмитриевича прошла в эпоху истори-

ческих потрясений. Он родился через 26 лет после отмены крепостного права, был свидетелем появления железных дорог и электричества, современником революции 1905 г. и участником революции 1917 г., пережил Первую мировую войну, видел развал Российской империи и становление Советского Союза, видел Ленина и пережил сталинскую эпоху, пережил Великую Отечественную войну и блокаду Ленинграда, стал свидетелем освоения космоса и полета первого человека – Ю. Гагарина» (Стрельникова и др., 2017; с. 3). Да, трудно, почти невозможно себе представить, что все это (рис. 2–4) произошло в течение жизни одного человека!

Рис. 2. Конец XIX в. Паровозное депо станции Челябинск. Паровоз Рв-410. Самаро-Златоустовская железная дорога (URL: http://deduhova.ru/statesman/wp-content/uploads/2017/04/0_aaa5d_b42d9217_XXXL-1024x666.jpg)

Fig. 2. The end of the XIXth century. Locomotive depot in Chelyabinsk. Steam Locomotive RV-410. Samara-Zlatoust railway

Рис. 3. 1900 г. Угол Невского проспекта и Михайловской улицы. Конки. Фото К. Буллы[1]
(URL: https://i07.fotocdn.net/s12/229/public_pin_1/378/2334489060.jpg)

Fig. 3. 1900. The corner of Nevsky prospect and Mikhailovskaya street. Horsecars. Photo by K. Bulla

Рис. 4. 1907 г. Укрепление электропроводов для трамвайного движения на Невском проспекте. Хорошо видна торцевая мостовая[2]. Фото К. Буллы (URL: <http://pics2.pokazuha.ru/p217/4/4/8287937d44.jpg>)

Fig. 4. 1907. Reinforcement of electric wires for street-car service in Nevsky prospect. The top end pavement is clearly visible. Photo by K. Bulla

1887–1905. ДЕТСТВО. ШКОЛА

Происходило семейство Стрельниковых из глухого села Третьи Левые Ламки Моршанского уезда Тамбовской губернии. Дмитрий Савельевич Стрельников (1857–1920) и его супруга Василиса Герасимовна (1858–1892) были бедняками. Дом их находился на берегу реки Ламки, недалеко от ее впадения в другую большую реку – Челновая. Многие жители села искали возможности выйти из беспросветной нищеты и отправлялись на поиски благодатных, плодородных, свободных земель на просторы Сибири. Дмитрий Савельевич продал свой дом и небольшое имущество и на телеге, запряженной лошадкой, вместе с супругой тоже отправился в Сибирь. 11 июля 1887 г., на территории Оренбургской губернии, прямо в телеге у них родился сын Иван. «С тех пор я стал путешественником», – говорил о себе Иван Дмитриевич.

Целинные сибирские земли, хоть и были плодородными, но требовали вложения такого огромного труда и хотя бы самого простого сельскохозяйственного инвентаря, что Дмитрий Савельевич не справился и на телеге вернулся обратно в родное тамбовское село. Он постарался вновь обзавестись хозяйством, но даже несмотря на трудолюбие супругов ничего путного создать больше не удалось. В семье было несколько детей – мальчиков и девочек. Но в крайне тяжелых условиях из всех выжил только один – Иван.

В конце XIX в. в Тамбовской губернии свирепствовала эпидемия холеры. От той страшной болезни в 1892 г. умерла мать Ивана – Василиса Герасимовна. Ивану в это время было всего около четырех лет. Так и рос он почти все время один, без матери, братьев и сестер. Отец мало находился дома. Он то работал в поле, то был на заработках. Уезжал обычно на одну-две недели.

Около дома был плодовый и ягодный сад, огород. Иван с детства сам вел хозяйство – поливал и полыл огород, кормил кур и гусей, встречал и загонял корову. Только вот доить корову сил не хватало – соседка помогала. Летом Иван собирал огурцы с огорода, вместе с соседями отвозил их на базар и продавал примерно по рублю за одну меру, в которой было около 20 килограммов. Пищу себе он варил сам, но не в доме, а у воды на берегу реки, потому что так наказывал отец, чтобы по какой-нибудь неосторожности в доме не случился пожар. «Такая жизнь приучала

меня к самостоятельности и к ответственности за порученное мне дело», – говорил о себе Иван Дмитриевич.

С восьми лет Иван пошел учиться в школу. На все большое село школа была одна. Располагалась она возле церкви. В ней было всего три класса, и все они находились в одной комнате. Учитель давал задание одному классу, пока ученики его выполняли, он общался с другим классом и т. д. Иван учился хорошо и иногда помогал учителю проверять задания. Учитель часто применял в качестве «средства вразумления» длинную деревянную линейку. Этому же он учил и Ивана. Поэтому в школе его не очень любили. Его звали «тепленький», потому что у него была очень плохая одежда, и он всегда мерз и ежился от холода.

Вся жизнь Ивана, как и остальных жителей российской глубинки, с самого детства была в большей или меньшей степени связана с православной верой и церковью. По Руси в большом количестве ходили «странники» и «странницы». Это были немолодые уже мужчины и женщины, которые «по обету» путешествовали по святым местам, монастырям, на поклонение святым мощам, за советами к старцам и т. п. Некоторые пешком ходили к Черному морю, а оттуда на пароходах добирались до Иерусалима, дабы поклониться Гробу Господню. С собой у них не было ничего. Хлебосольные русские крестьяне давали им приют, одежду, снабжали продуктами. Такие странники часто останавливались и в доме Стрельниковых. Ваня, лежа на печи, слушал непонятные еще разговоры о вере, Боге, спасении души...

Когда Ивану минуло девять лет, отец отправился странствовать по святым местам. Но Бога он не нашел, вернулся и стал сторожем-объездчиком монастырских лесов Троице-Сергиевой лавры. Пока отца не было дома, за Иваном присматривала родственница Варвара. Она была «монашкой». Таких на Руси было много. Это не постриженные монашки, а женщины, которые по разным причинам (религиозным воззрениям, житейским невзгодам, страху перед браком) принимали обет безбрачия. Они носили темные платья и черные платки на голове, считая себя монашками «в миру». В отсутствие отца Варвара вела хозяйство, а полевою землю отдавали «исполугу», то есть в аренду за половину урожая.

Иван окончил школу в 11 лет, но к экза-

менам допущен не был, потому что допускались только дети, которым исполнилось уже 12 лет. И отец вызвал Ивана с Варварой в Троице-Сергиеву лавру. Варвара сразу вернулась в село, а Ивану архимандрит монастыря разрешил остаться и поступить в школу при монастыре. Поселили Ивана со слепым звонарем лавры. Мальчик восторгался его искусством и подолгу слушал перезвон колоколов лавры и других церквей.

В монастырской школе учили Закону Божию, русскому языку, арифметике и другим предметам (рис. 5). Иван участвовал в церковных службах, был чтецом и канонархом [3], читал шестопсалмие и часы.

Учился Иван хорошо. Память у него была отличная: достаточно было ему, например, один-два раза прочитать «Чуден Днепр при тихой погоде» Гоголя, как он запоминал его наизусть.

Отец Ивана, не найдя Бога и окончательно потеряв веру в него, уехал обратно в родное село и вернулся к сельскому хозяйству. Иногда он присылал мальчику 3 рубля на дорогу, и Ваня ненадолго приезжал домой, проводя время на огороде, на лугу, купался в речке.

Монастырская, религиозная жизнь со временем перестала интересовать Ивана, и он начал, помимо уроков, читать, кроме прочего, книги по природоведению.

Рис. 5. Иван Стрельников во время учебы в монастырской школе. 1896 г. (?) (фото: Стрельникова и др., 2017; стр. 11)

Fig. 5. Ivan Strel'nikov during his study in a convent school. 1896 (?) (photo source – Стрельникова и др., 2017; p. 11)

Через некоторое время Иван узнал, что в Смоленской губернии имеется такая школа, где может учиться всякий желающий. Отец прислал ему 5 рублей на дорогу, и он с двумя с полтиною рублями в кармане приехал в село Дровнино Гжатского уезда Смоленской губернии. Там помещалась та самая церковно-учительская школа.

Надо сказать, что это было необычное учебное заведение. Профессор ботаники Московского университета Сергей Александрович Рачинский[4], один из первых переводчиков сочинений Дарвина, богатый смоленский помещик, решил оставить профессуру и стать сельским учителем. Ему пришлось даже сдавать экзамены на сельского учителя, таковы были тогда правила. На свои средства он построил несколько школ в Смоленской губернии; при его участии построена и организована была и та школа, в которую приехал учиться Иван Стрельни-

ков. С.А. Рачинский совмещал в себе уважение к учению Дарвина, сочинения которого он переводил, и в то же время уважение к церковно-религиозной жизни нашей страны. Говорили, что он был другом очень известного в России человека – Константина Петровича Победоносцева[5].

Один из учеников Сергея Александровича Рачинского, который очень любил рисовать, был отправлен им в Академию художеств в Санкт-Петербург. Из этого мальчика вырос хорошо известный впоследствии художник Николай Петрович Богданов-Бельский. Одна из его картин, которая сейчас выставлена в Третьяковской галерее в Москве, – «Устный счет. В народной школе С.А. Рачинского», была написана в 1895 г. В глубине класса на стуле сидит сам С. А. Рачинский. А ребята спереди – реальные личности, друзья и соученики Ивана Стрельникова. Правда, самого Стрельникова на картине нет (рис. 6).

Рис. 6. Картина Н.П. Богданова-Бельского «Устный счет. В народной школе С.А. Рачинского» (URL: <http://www.artsait.ru/art/b/bogdanov-b/img/1.jpg>)

Fig. 6. Painting "Mental calculation" by N.P. Bogdanov-Belsky. In the public school of S.A. Rachinsky»

Как штрих к характеристике качества обучения в церковно-учительской школе хочу обратить внимание читателей на арифметический пример, написанный мелом на грифельной доске и предложенный ученикам сельской школы для устного счета:

$$(10^2 + 11^2 + 12^2 + 13^2 + 14^2) / 365$$

А Вы без калькулятора сможете сосчитать?

Ученики жили и учились прямо в здании церковно-учительской школы. Питание и обучение там были бесплатными. Учителями были демократически и даже революцион-

но настроенные молодые люди, окончившие Духовную академию в Троице-Сергиевой лавре или университет. Когда приезжали архиереи для ознакомления с работой этой школы, ученики блестяще отвечали по богословским предметам и по другим наукам. А когда довольные архиереи снова уезжали в город, то продолжалась обычная тихая, малозаметная работа по пробуждению умов молодежи возраста 15–18 лет. В период революционных событий 1905 г. эта школа стала местным революционным центром, за что вскоре была закрыта.

Рис. 7. Аттестат И.Д. Стрельникова об окончании курса Дровненской церковно-учительской школы. 1904 г. (http://journal.spbu.ru/wp-content/uploads/2012/11/strelnikov_a01.jpg)

Rice. 7. Certificate of I.D. Strel'nikov of completion of Drovnskaya Church-teacher school. 1904

Ваня Стрельников окончил церковно-учительскую школу в 1904 г. (рис. 7). Учитель этой школы, после ее закрытия в 1905 г., почти все перебрались в Москву, где открыли частную среднюю школу с применением передовых методов преподавания; возглавлял школу В.А. Лебедев – сын протоиерея села Дровнино.

По окончании церковно-учительской школы, которая готовила учителей для церковно-приходских школ, находившихся в ведении Святейшего Синода, Иван Стрельников был назначен учителем в село Пичкиряево Спасского уезда Тамбовской губернии.

Как и в родном селе, в школе было три класса, которые помещались в одной большой комнате. Нужно было очень приспособиться, чтобы не дать ребятам сидеть без дела, шалить и мешать другим. Это требовало большого напряжения, предварительной подготовки и продумывания всех своих действий. Иван к своему делу относился с большим рвением и усердием, отдавая все свои силы, знания, всю свою любовь к народу и детям. Одновременно он работал над своим образованием, выписывал журнал «Вестник самообразования» – серьезный научно-популярный журнал с хорошими книгами-приложениями.

Отношения с местным священником, в ведении которого находилась школа, не складывались, поскольку он решил женить Ивана на одной из своих дочерей. Но поскольку Иван отказался, начались служебные придирки и доносы как на свободолобивого учителя. Иван попросил перевести его в другое село. Он был назначен учителем в церковно-приходскую школу в село Салтыковы-Буты в 7–8 верстах от уездного города Спасска. Как и в селе Пичкиряево, он устраивал воскресные чтения для крестьян и организовал Союз учителей уезда. Когда в Петербурге и Москве начались революционные события, Союз учителей развернул агитацию среди крестьян, в результате чего начались крестьянские волнения и бунты; кое-где избивали и убивали урядников, ставных приставов, земских начальников, начали жечь помещичьи усадьбы. Местный протоиерей – родной брат Московского митрополита Владимира – донес на Ивана уездным властям и своему брату. Крестьяне предупредили Ивана о предстоящем аресте.

Зимой на санях он выехал в город Спасск, чтобы оттуда по железной дороге уехать от ареста для продолжения уже подпольной работы. Но по дороге он встретил двоих санин с жандармами. Они остановили его и повезли в Спасск, в тюрьму.

Иван Стрельников просидел в тюрьме около девяти месяцев. Допросы вел исправный урядник, бывший родным братом Г.В. Плеханова. Но по случаю созыва первой Государственной Думы была объявлена амнистия, под которую попал и Иван. Он был выслан под надзор полиции в свое родное село Левые Ламки. За ним был установлен полицейский надзор.

1906–1909. ВОЛЬНАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕТРА ФРАНЦЕВИЧА ЛЕСГАФТА

Из газет Иван Стрельников узнал, что в Петербурге основана Вольная высшая школа, куда мог поступить каждый желающий для получения высшего образования. Он не имел никаких прав и никаких возможностей поступить в «казенные», т. е. государственные, высшие учебные заведения и университеты, куда требовался аттестат зрелости, то есть свидетельство об окончании среднего учебного заведения, гимназии или реального училища. Этого документа у него не было.

На остатки учительского жалования Иван выехал в Петербург и явился по указанному в газетах адресу. Для поступления в Вольную высшую школу достаточно было подать заявление о желании учиться на каком-либо из факультетов и внести 40 рублей годовой платы за обучение. Если не было возможности платить, то надо было подать заявление о бесплатном обучении. Так Иван Стрельников стал студентом и начал посещать лекции знаменитых в то время профессоров.

Основателем Вольной высшей школы, или Вольного университета, был знаменитый анатом и педагог профессор Петр Францевич Лесгафт [6] (рис. 8). Его лекции по анатомии человека привлекали всеобщее внимание молодежи. Лекции по анатомии были увлекательными, глубоко поучительными, в связи с тем, что Лесгафт связывал особенности строения человеческого организма и всякие изменения и отклонения с теми условиями жизни, в которых рос и воспитывался человек.

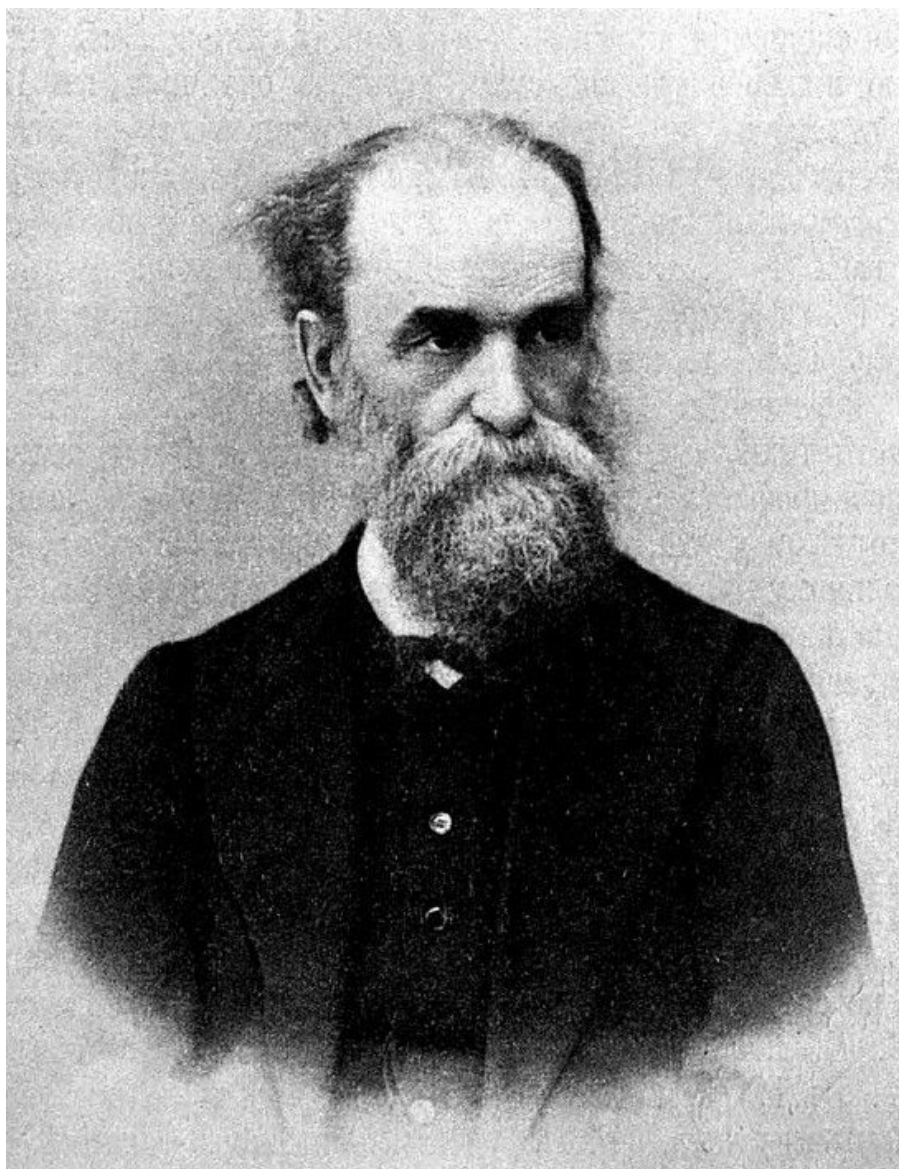

Рис. 8. Петр Францевич Лесгафт (URL: <http://tunnel.ru/media/images/2017-08/post/109027/2.jpg>)

Fig. 8. Pyotr Frantsevich Lesgaft

Молодежь перестраивала под влиянием Лесгафта и свое мировоззрение, и даже внешний облик. Девушки, поступавшие к нему учиться, должны были носить простые и строгие костюмы, и вскоре превращались в широко известных в то время «лесгафтичек» – коротко стриженных особ, одетых строго и без следов косметики на лице. Юноши также проникались глубоко философскими и серьезными общественными взглядами на окружающее.

Огромную роль в развитии всех научных организаций, которые появились в дальнейшем под общим патронажем П.Ф. Лесгафта, сыграла его встреча с удивительным человеком, очень состоятельным, меценатом, стремящимся к самообразованию и самосовершенствованию, Иннокентием Михайловичем Сибиряковым (1860–1901).

Он пожертвовал П.Ф. Лесгафту огромное по тем временам состояние в 350 тыс. рублей на практическую организацию просветительской деятельности (рис. 9). В 1893 г. было разработано предложение о создании «Естественно-исторического музея», но 19 октября 1894 г. было получено официальное разрешение на создание организации под названием «Санкт-Петербургская Биологическая лаборатория».

В 1896 г. И.М. Сибиряков принял постриг и иночество в Свято-Андреевском скиту на Афоне, которому пожертвовал и свои деньги, и свой иноческий труд (рис. 10). Иннокентий Михайлович Сибиряков умер в монастыре на Афоне в 1901 г. В некрологе на смерть Сибирякова П.Ф. Лесгафт писал, что тот построил себе памятник в виде Биологической лаборатории.

Рис. 9. Иннокентий Сибиряков (URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/43/Innokenty_Sibiryakov.jpg)

Fig. 9. Innokentiy Sibiryakov

Рис. 10. Схимонах Иннокентий Сибиряков (URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/43/Innokenty_Sibiryakov.jpg)

Fig. 10. Schema-monk Innokentiy Sibiryakov

На базе домов, подаренных И.М. Сибиряковым, и его денежных средств был построен дом на Английском проспекте, 32, специально приспособленный для научных работ и высшего учебного заведения, развертывалась деятельность Биологической лаборатории и Высших курсов П.Ф. Лесгафта.

В 1986 г. домашние курсы Лесгафта были преобразованы в официально разрешенные Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования. Это была школа только для женщин с двухгодичным, а потом и трехгодичным курсом, где изучались естественные науки и педагогика.

В 1905 г. П.Ф. Лесгафту удалось осуществить свою мечту и добиться превращения Курсов воспитательниц и руководительниц физического образования в Вольную высшую школу с четырехлетним сроком обучения, т. е. в высшее учебное заведение. Назвать учреждение Свободным общественным университетом не разрешили, оно офи-

циально стало называться – Высшие курсы по наукам биологическим, педагогическим и общественным при С.-Петербургской Биологической лаборатории, или Вольная высшая школа (рис. 11). В ней было три отделения: биологическое, педагогическое и социальное.

В Вольную высшую школу Лесгафта хлынула молодежь (рис. 12). Те, кто хотел учиться, но не имел возможности делать это в правительственных высших учебных заведениях, переполнили аудитории Вольного университета. Студенты знали, что никаких дипломов они здесь не получают, никаких материальных преимуществ не приобретут, а, скорее, потеряют в глазах чиновников за свое обучение в этом «зараженным вольнодумием» учреждении. Но они слушали лекции с горящими глазами, с вниманием, схватывая каждое слово выдающихся и прогрессивных профессоров.

Рис. 11. Высшие курсы по наукам при Санкт-Петербургской Биологической лаборатории (Вольная высшая школа), гимнастическая группа. 1906/1907 г. В центре – П.Ф. Лесгафт; справа от него стоит И.Д. Стрельников (URL: http://journal.spbu.ru/wp-content/uploads/2012/11/strelnikov_a02.jpg)

Fig. 11. Higher courses in sciences at the St. Petersburg Biological laboratory (Liberal High School), gymnastic group. 1906/1907. In the center – P.F. Lesgaft; to his right stands I.D. Strel'nikov

Летом 1907 г. Вольная высшая школа была закрыта правительством как очаг революционной пропаганды и пристанище революционных организаций. Большинство учащихся разъехались по городам и селам России. Но лишь небольшая группа, около 40 человек, не желала никуда уезжать от своего учителя П.Ф. Лесгафта. Эти студенты ходили в лаборатории черным ходом, Лесгафт читал лекции, он сам и его ассистенты руководили практическими занятиями по анатомии, организованы были также занятия по химии, физике и математике. Для заработка группа молодежи организовала переплетную мастерскую.

Лишь после длительных хлопот в 1910 г. это учебное заведение было вновь открыто под названием «Высшие курсы» с тремя от-

делениями: физического образования, естественное и историческое.

Преодолевая трудности из-за слабой подготовки, Иван Дмитриевич Стрельников слушал лекции и проводил лабораторные практические занятия по анатомии, зоологии, химии, физике и математике. Одновременно он слушал лекции по социологии академика М.М. Ковалевского[7], по всеобщей истории молодого Е.В. Тарле[8], впоследствии академика, и других замечательных специалистов. Отец, живший в то время в Левых Ламках, настоятельно звал Ивана домой, уговаривал его стать учителем в родном селе, жениться и продолжать его хозяйство. Но Иван был непреклонен.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

ВОЛЬНАЯ ВЫСШАЯ
ШКОЛА.

Дано слушателю 1906 г.

№ 231

Английский просп. 33

Свидѣтельство.

Дано слушателю Вольной Высшей
Школы Ивану Дмитриевичу
Стрельникову

срокомъ по 25 Августа 1906 года.

Завѣдующій Школой: П.Ф. Лесгафт

Помощникъ завѣдующаго: А. Лосский

Рис. 12. Свидетельство о зачислении И.Д. Стрельникова слушателем Вольной высшей школы, подписанное П.Ф. Лесгафтом. 1906 (фото – Стрельникова и др., 2017; стр. 18)

Fig. 12. Certificate of the enrolment of I.D. Strelnikov as a student of Liberal High School, signed by P.F. Lesgaft. 1906 (photo source – Стрельникова и др., 2017; p. 18)

Жить в Петербурге было трудно. Надо было учиться, одновременно платить за съемное жилье и зарабатывать на пропитание. Он быстро научился печатать на машинке, а затем с товарищами организовал бюро переписи, чем и стал зарабатывать себе на жизнь.

Летом 1907 г. Иван Стрельников переболел дизентерией. Но визитная карточка Лесгафта помогла ему получить необходимую квалифицированную медицинскую помощь.

Зимой 1907/1908 г. по рекомендации Лесгафта Иван был приглашен в качестве воспитателя для мальчика в весьма состоятельную аристократическую семью. Вместе с ней он выехал на лето в Крым, на дачу около Никитского ботанического сада. Он был в восторге от богатой крымской природы. Но у него возникли серьезные разногласия с родителями мальчика по поводу принципов воспитания избалованного ребенка. В конце концов он был вынужден уйти из этой семьи, оставив столь выгодное место работы. Лесгафт тем не менее одобрил его решение.

Зимние месяцы проходили у Ивана Стрельникова в занятиях по анатомии, в слушании лекций Лесгафта по педагогике и в занятиях другими науками. Одновременно он посещал лекции лучших профессоров Петербурга: в Горном институте он слушал лекции по аналитической геометрии и дифференциальному исчислению профессора И.П. Долбня; в университете – лекции по физике профессора И.И. Борсмана и О.Д. Хвольсона. По его собственному выражению: «Я, как трудолюбивая пчела, собирал нектар знания с многих цветов науки в лице крупных профессоров и как-то превращал это в своей голове в особый сорт “меда”» (Жервэ, 2012).

Весной 1909 г. Лесгафт предложил Ивану Стрельникову поехать на лето в г. Симбирск для руководства детской площадкой для физических упражнений и игр. Стрельников согласился. Он был еще совсем юн, но очень настойчив в исполнении рекомендаций Лесгафта. Его старание, ответственное отношение к делу и авторитет Лесгафта позволили ему успешно справиться с порученным ему делом. На площадку приходили до 200 детей в день. В праздничные дни Иван организовывал экскурсии для детей специальным поездом по железной дороге или специальным пароходом по Волге в живописные окрестности, пешие экскурсии к обрыву, у которого воспитанники разыгрывали события, описанные в «Обрыве» Гончарова.

Стрельников писал статьи в местную газету «Народные вести» о задачах физического воспитания и на другие темы по педагогике. Этот молодой и активный учитель стал очень популярен среди учеников и их родителей.

Но выдавались и свободные дни, в которые Иван отправлялся на собственные экскурсии по берегам Волги, где он находил ископаемых животных юрского периода.

1909–1914. СМЕРТЬ ПЕТРА ФРАНЦЕВИЧА ЛЕСГАФТА. ЗНАКОМСТВО С СЕРГЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ МЕТАЛЬНИКОВЫМ. РАБОТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ. ВИЛЛАФРАНКА. ПОЕЗДКИ В ЕВРОПУ

Иван Стрельников вернулся из Симбирска в Санкт-Петербург. В то время Лесгафт уже тяжело болел. На искренние просьбы студентов прекратить лекции и уехать на время из Петербурга для восстановления здоровья он отвечал: «Вы хотите моей смерти, посылаете на покой!..» Однако в начале октября 1909 г. ему стало совсем плохо. В ноябре его повезли через Италию и Средиземное море в Каир, а затем в один из самых известных в мире санаториев в Гелуане, где 28 ноября 1909 г. он и умер.

Траурное процессия из Египта в Одессу останавливалась в каждом городе, где собирались огромные количества почитателей и учеников Лесгафта отдать ему дань уважения и внимания. Но в Петербурге все было сложнее. Похоронную процессию, в которой участвовали около десяти тысяч человек, сопровождало множество жандармов, потому что одно только имя Лесгафта действовало как революционный призыв. Надгробные речи были запрещены. Гроб с телом Лесгафта был опущен в могилу при огромном стечении передовой интеллигенции, студенчества, его учеников и почитателей в безмолвии.

Для Ивана Стрельникова смерть Лесгафта стала настоящей трагедией! Он ощущал, что, по его собственным словам, «потерял самое дорогое в жизни, источник духовного развития и рождения новых устремлений, учителя жизни, показывающего новые пути в ней и в науке. Душа... рвалась в поднебесные выси, чтобы пережить это горе, казавшееся вечным и непреодолимым». У него «явилась мысль отправиться в горы Тянь-Шаня, чтобы там подняться на высочайшую вершину, вознестись духом над той землей, которая причиняет такие жестокие страдания людям, возвыситься над земным и в горных вер-

шинах, вознесшись духом, найти успокоение и какое-либо утешение» (Жервэ, 2012). Он обратился за помощью к президенту Географического общества Петру Петровичу Семенову-Тянь-Шанскому и неожиданно получил от него обещание всяческого содействия, рекомендательных писем к местным губернаторам и даже денежной помощи от Географического общества. Но судьба распорядилась по-другому.

И вот тогда произошла «историческая» встреча, которая круто изменила всю дальнейшую жизнь Ивана Дмитриевича Стрельникова, придала ей направление и смысл. На Английском проспекте его, печального,

задумчивого и рассеянного, увидел профессор зоологии Сергей Иванович Метальников (рис. 13). Он был учеником великих русских ученых А.О. Ковалевского, П.Ф. Лесгафта и И.И. Мечникова, членом ученого совета Санкт-Петербургской Биологической лаборатории, основанной Лесгафтом, и профессором курсов. Иван Стрельников слушал его лекции по зоологии и еще зимой привлек его внимание. После короткого разговора, в котором Иван рассказал ему о своем настроении и подготовке экспедиции на Тянь-Шань, Метальников предложил ему зайти в его лабораторию для подробной беседы.

Рис. 13. Сергей Иванович Метальников (URL: http://кто-родился.рф/images_thumbs/76/32cd7a38abfd5a4d1742970e1f0baf31.gif)

Fig. 13. Sergey Ivanovich Metal'nikov

На следующий день, уже в Биологической лаборатории, С.И. Метальников предложил Ивану Стрельникову немедленно приступить к научной работе в качестве его помощника, к весне обучиться некоторым методам исследования, летом поехать на Средиземное море для работы на русской Биологической станции, а вернувшись осенью с новыми знаниями и опытом – стать его ассистентом на Высших курсах Лесгафта. После коротких сомнений Стрельников принял это предложение. Его первая научная работа была связана с изучением спермотоксинов. Это было продолжение исследования С.И. Метальникова, начатое им еще в Париже в лаборатории И.И. Мечникова. На эту тему И.Д. Стрельников опубликовал свою первую научную статью, вышедшую в 1910 г. в «Известиях Биологической лаборатории Лесгафта».

В начале июня 1910 г. С.И. Метальников помог И.Д. Стрельникову совершить поездку за границу. Вначале он приехал в Берлин, где основное время проводил в Национальном музее искусств и Зоологическом музее. Но денег у него было мало и их не хватало на то, чтобы снять номер в гостинице. По ночам он ходил по городу и спал на скамейках в районе Тиргартен, стараясь не попасть в руки полиции. Из Берлина он отправился в Гейдельберг, где располагался прославленный старинный университет. Оттуда Стрельников поехал в Швейцарию, в Базель и Женеву. В Женевском университете он посещал лекции

профессора Р.И. Шода[9].

Из Женевы Стрельников отправился в Италию. Там он, отправив багаж поездом, пересек горный хребет пешком (Альпы, между прочим). Спал прямо на земле под кустом. Перевалил через покрытый снегами гребень и спустился в поселок. А там, внизу, в поселке Симплон, его грубо арестовали жандармы, которые посчитали его анархистом, после чего побили и посадили в тюремную камеру, где держали и допрашивали, пока он не смог с большим трудом доказать, что он студент из России, приехавший работать в южную Францию. Помог только круговой билет на поезд, купленный еще в Петербурге. Это происшествие подорвало в Иване восторженное отношение к свободам и демократии в европейских странах.

В Милане он любовался Миланским собором, «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи. В Генуе он впервые увидел Средиземное море. И наконец он добрался до конечной точки своего путешествия – до русской Биологической станции в Виллафранке, организованной киевским профессором Алексеем Коротневым, который для этого на свои деньги купил расположенное на берегу моря здание французской тюрьмы (рис. 14). Жилые комнаты располагались на втором этаже, а на первом были оборудованы лаборатории и аквариумы для животных. Стрельников увлеченно занимался ловлей морских животных, изучением их анатомии и эмбриологии.

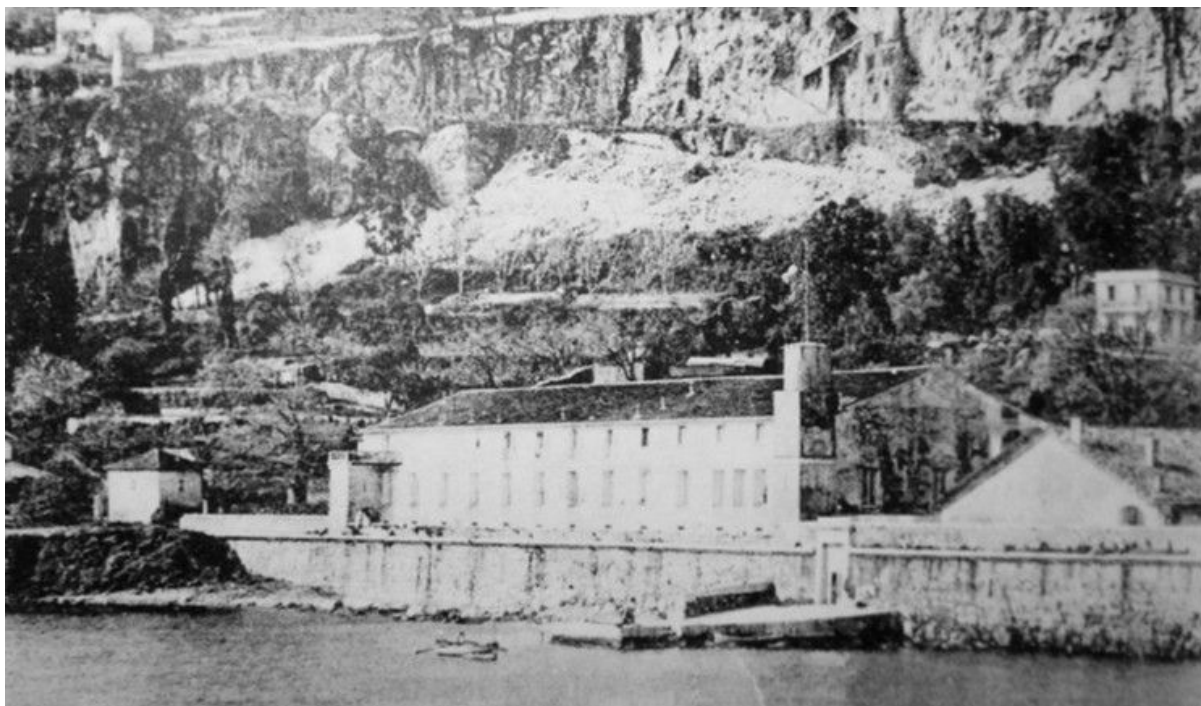

Рис. 14. Италия, Виллафранка. 1910 г. Здание Биологической станции (фото: Стрельникова и др., 2017; с. 31)

Fig. 14. Italy. Villafranka. The building of the Biological station

Рис. 15. Виллафранка. 1910 г. Русская Биологическая станция. На первом плане – выловленная луна-рыба. 4-й слева – Павел Вольнин, ученик Лесгафта, работал на Биологических курсах вместе с И.Д. Стрельниковым; 5-й слева – И.Д. Стрельников (URL: http://journal.spbu.ru/wp-content/uploads/2012/11/strelnikov_a04.jpg)

Fig. 15. Villafranca. 1910. Russian Biological station. In the foreground – caught moon-fish. The 4th left – Pavel Volnin, student of Lesgaft, he worked on Biological courses with I.D. Strelnikov; the 5th left – I.D. Strelnikov

Рис. 16. Виллафранка. 1910 г. И. Стрельников (слева), П. Вольнин, А. Сиграинский (фото – Стрельникова и др., 2017; с. 32)

Fig. 16. Villafranca. 1910. I. Strel'nikov (left), K. Volnin, A. Sigrainskiy

Время от времени молодые сотрудники станции совершали экскурсии в Ниццу и Монако.

Один раз Стрельников с товарищем решили поплавать на лодке по морю, но поднялся ветер, и они с огромным трудом, гребя веслами до кровавых мозолей, смогли вернуться назад.

И.Д. Стрельников провел на Биологической станции три месяца, в течение которых написал Метальникову несколько писем, в которых горячо благодарил его за возможность совершить такое путешествие.

С начала сентября 1910 г. Иван Стрельников в качестве ассистента руководил лабораторно-практическими занятиями студентов по зоологии (рис. 15, 16). Ему приходилось усиленно готовиться к каждому занятию, чтобы не сделать какой-нибудь ошибки и быть в состоянии ответить на любой вопрос студентов. А ведь в это время ему самому было всего 22 года и по внешнему виду он от студентов не отличался!

В феврале 1911 г. Стрельников официально был назначен ассистентом Биологической лаборатории по зоологическому отделению, где профессором был С.И. Метальников. Здесь он продолжал научные исследования, начатые еще в 1910 г. Они касались важнейшей темы – борьбы с туберкулезом. Дело в том, что бороться с туберкулезной палочкой очень сложно, прежде всего из-за того, что она покрыта плотной восковой оболочкой, которая мешает воздействовать на нее каким-либо образом. Но генеральное направление работ Метальникову подсказал сам Мечников. Нужно найти вещества или ферменты, эффективно расщепляющие жиры. Пчелиная моль питается воском в ульях, принося пчеловодству огромный ущерб. Но именно ее гусеницы способны переваривать воск! В опытах Метальникова и Стрельникова было установлено, что впрыснутые в кровь гусениц пчелиной моли живые бактерии туберкулеза успешно переваривались ее лейкоцитами, потому что обладали ферментами, расщепляющими жиры и, следовательно, воск. В дальнейшем жирорасщепляющие ферменты были выделены из этих гусениц и их вводили зараженным туберкулезом морским свинкам, что приводило либо к существенному облегчению болезни, либо к ее излечению. Это была очень важная работа!

Летом по приглашению Метальникова Иван гостил в его имении «Артек» в Крыму. Он восторгался крымской природой, много ходил по горам, любил ночью часами лежать

где-нибудь на скале, взирая на освещенное лунной морю. Однажды, правда, во время такой ночной экскурсии, его поймали местные татары, скрутили, привели в свой поселок и здорово поколотили, стараясь выпытать, какие козни против них он затевал. Спас его один из местных стариков, который был большим другом Метальникова. Он узнал Ивана, после чего перед ним извинились, угостили и отпустили с миром.

Гостями профессора Метальникова в Артеке бывали видные ученые, его друзья, артисты. Среди них были профессор Н.О. Лосский[10], С.А. Аскольдов[11], И.И. Иванов[12] и другие. И Стрельников был счастлив оказаться в компании таких интересных людей.

Учебный 1911/12 г. прошел в занятиях со студентами. Студентки Курсов Лесгафта называли трех друзей – И.Д. Стрельникова, М.А. Галаджиева[13] и Д.В. Наливкина[14] – «ископаемыми», причем не столько потому, что Наливкин увлек всех палеонтологией, а потому, что они девушками вообще не интересовались, их увлекала только наука.

Летом 1912 года И.Д. Стрельников для изучения немецкого языка вместе с М.А. Галаджиевым предпринял поездку в Германию, на Рейн. Но в поезде друзья заметили за собой слежку, по всей видимости, агентов сыскной полиции. Оторваться от них удалось только в толчее Дрездена. В Дрездене они посетили Международную гигиеническую выставку. Там были богатые отделы по анатомии и физиологии человека, по различным гигиеническим приспособлениям, школьные парты, столы, освещение. Там было все, до чего люди додумались для обеспечения удобной, приятной и здоровой жизни. На выставке для Стрельникова было много интересного и полезного в дальнейшей работе.

Денег у друзей было мало. Галаджиев провел ночь в гостинице, а Стрельников решил не тратиться на ночевку в гостиничном номере. Он переночевал на берегу Эльбы среди сложенных бревен. Однако утром его обнаружили полицейские, и он снова попал в участок. Его допросили, раздели, помыли как нищего и продезинфицировали его одежду, после чего отпустили. Так, чистым и даже немного поглаженным, он встретился с Галаджиевым в Дрезденской галерее у Сикстинской мадонны.

***

По возвращении в Петербург Иван Стрельников продолжил преподавательскую деятельность на курсах, чему способствовало

наличие зоологического музея, основанного П.Ф. Лесгафтом в 1893 г. с его огромными коллекциями по зоологии, сравнительной анатомии позвоночных и анатомии человека.

С.И. Метальников организовал в Петербурге Биологическое общество. В него вошли крупнейшие ученые Петербурга по разным специальностям биологии. Его председателем был академик А.С. Фаминцын[15], заместителями – академик И.П. Бородин[16] и выдающийся зоолог и поэт Н.А. Холодковский[17]. Иван Стрельников был помощником секретаря Общества и постоянным посетителем собраний, на которых звучали доклады крупных ученых. После смерти академика Фаминцына председателем Биологического общества был избран академик Иван Петрович Павлов. Ивану Стрельникову приходилось часто иметь дело с И.П. Павловым, бывать у него на квартире и в лаборатории в Институте экспериментальной медицины. Он имел возможность слушать его доклады, лекции по физиологии в Военно-медицинской академии. При Санкт-Петербургской Биологической лаборатории был организован кружок молодых биологов. Они часто собирались, заслушивали научные сообщения, пили чай и вели дружеские беседы.

По рекомендации С.И. Метальникова Иван Стрельников занимался в Институте экспериментальной медицины, в лаборатории Н.О. Зибер-Шумовой[18], изучением ферментов и некоторыми биохимическими анализами, важными при исследовании иммунитета.

На летний период С.И. Метальников отправился вместе с И.Д. Стрельниковым в Париж, в лабораторию Ильи Ильича Мечникова в Институте Пастера. Сначала они проехали через Германию, где в Висбадене отдохнули и Метальников немного подлечился, после чего оказались в Париже. Там Стрельников некоторое время работал под непосредственным руководством Мечникова по проблемам иммунитета, с трепетом выслушивая рекомендации, советы, критику и наставления великого ученого. Кроме того, Иван посещал музеи Парижа, был в Версале и Фонтенбло, присутствовал на собраниях Биологического общества, на научных конференциях в Институте Пастера.

Будучи до этого в Германии, Стрельников отметил, что там нагнетается военный

настрой, направленный на Францию, подкрепляемый громогласной речовкой «Деутшланд, Деутшланд юбер аллес!» (Германия превыше всего!), подхваченной тысячами голосов. Париж тоже жил в ожидании войны. Стрельников присутствовал на одном из заседаний палаты депутатов в Бурбонском дворце и слушал блестящего трибуна, вождя социалистов Жана Жореса. Улицы бурлили, французские рабочие выходили протестовать против надвигающейся войны, полицейские разгоняли демонстрации. Было неспокойно.

В конце августа 1913 г. И. Д. Стрельников отправился в Лондон на Международный медицинский конгресс. Там он слушал доклад Мечникова и другие доклады по физиологии и иммунитету. В Британском музее он подробно изучал коллекции, собранные Англией во всех частях света. Лондон произвел на него сильное впечатление. Он посетил могилу Ньютона, любовался Вестминстерским аббатством, Парламентом.

В Брайтоне Иван Дмитриевич посетил неординарного человека – Петра Алексеевича Кропоткина[19], который много рассказывал о попытках разных людей, не желавших смириться с жизнью в капиталистической Европе, отделиться от общества и создать молодежные коммуны на необитаемых островах. И о неудаче этих попыток.

1914–1916. ЭКСПЕДИЦИЯ В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ

В 1914–1915 гг. Иван Стрельников участвует во второй русской экспедиции в тропическую Южную Америку (Бразилия, Боливия, Парагвай) для изучения животного и растительного мира этих земель, а также жизни первобытных племен индейцев. Пятеро молодых петербуржцев: Иван Дмитриевич Стрельников (зоолог, самый старший из всех – 27 лет), Николай Парфентьевич Танасийчук (зоолог, студент естественного факультета Петербургского университета – 23 года), Генрих Генрихович Манизер (антрополог и этнограф, закончивший два факультета университета: естественный и историко-филологический, – 24 года), Федор Артурович Фиельсрууп (этнограф – 24 года), Сергей Вениаминович Гейман (этнограф и экономист – 26 лет), – отправились в Южную Америку для сбора этнографических и зоологических коллекций для русских музеев (рис. 17, 18).

Рис. 17. Н.П. Танасийчук (слева) и И.Д. Стрельников (справа). 1915 г. (фото: Стрельникова и др., 2017; с. 57)
Fig. 17. N.P. Tanasiychuk (left) and I.D. Strel'nikov (right). 1915

Средства на эту поездку были выделены Зоологическим и Этнографическим музеями, лабораторией Лесгафта, а также были дотации от меценатов: нефтепромышленника Людвиг Эммануиловича Нобеля[20] и владельца Волжско-Камского пароходства Николая Васильевича Мешкова[21]. По расчетам молодых людей, полученных средств должно было при строгой экономии хватить на проезд, полгода жизни и сбор коллекций[22].

Экспедиция стартовала 21 апреля 1914 г., а через три месяца началась Первая мировая война, и связь между Южной Америкой и Европой прервалась. Только через полтора года участники экспедиции смогли вернуться назад! И все это время, практически без средств, молодые люди, не имеющие экспедиционного опыта, собирали уникальные коллекции для музеев России, Аргентины и Бразилии.

22 мая 1914 г. экспедиция прибыла из Санкт-Петербурга в Буэнос-Айрес (рис. 19). Там они были приняты известными учены-

ми: антропологом Роберто Леман-Нитше, лингвистом Самуэлем Лафоне-Кеведо, профессором Хуаном Баутиста Амбросетти и геологом Шиллером. Они вместе посоветовали россиянам изменить первоначальные планы маршрута и направиться в первую очередь в Бразилию, в Мату-Гросу, «где есть племя киникинао на р. Миранда, положение которого так неясно и сведений так мало, что словарь их языка был бы новостью, а этнографические предметы могли бы быть добыты в изобилии».

В Асуньоне они посетили русского эмигранта Рудольфа Александровича Риттера, редактора журнала, писателя, владельца большой плантации и личного советника президента Парагвая. У него они и жили во время визитов в столицу. Вот его слова о Парагвае: «Это очень занятая страна, друзья мои, и жить в ней легко и уютно. Климат прекрасен, люди веселы и дружелюбны, а к бесконечным переворотам надо относиться спокойно, как к перемене погоды. Впрочем, специалисты нужны всем правительствам».

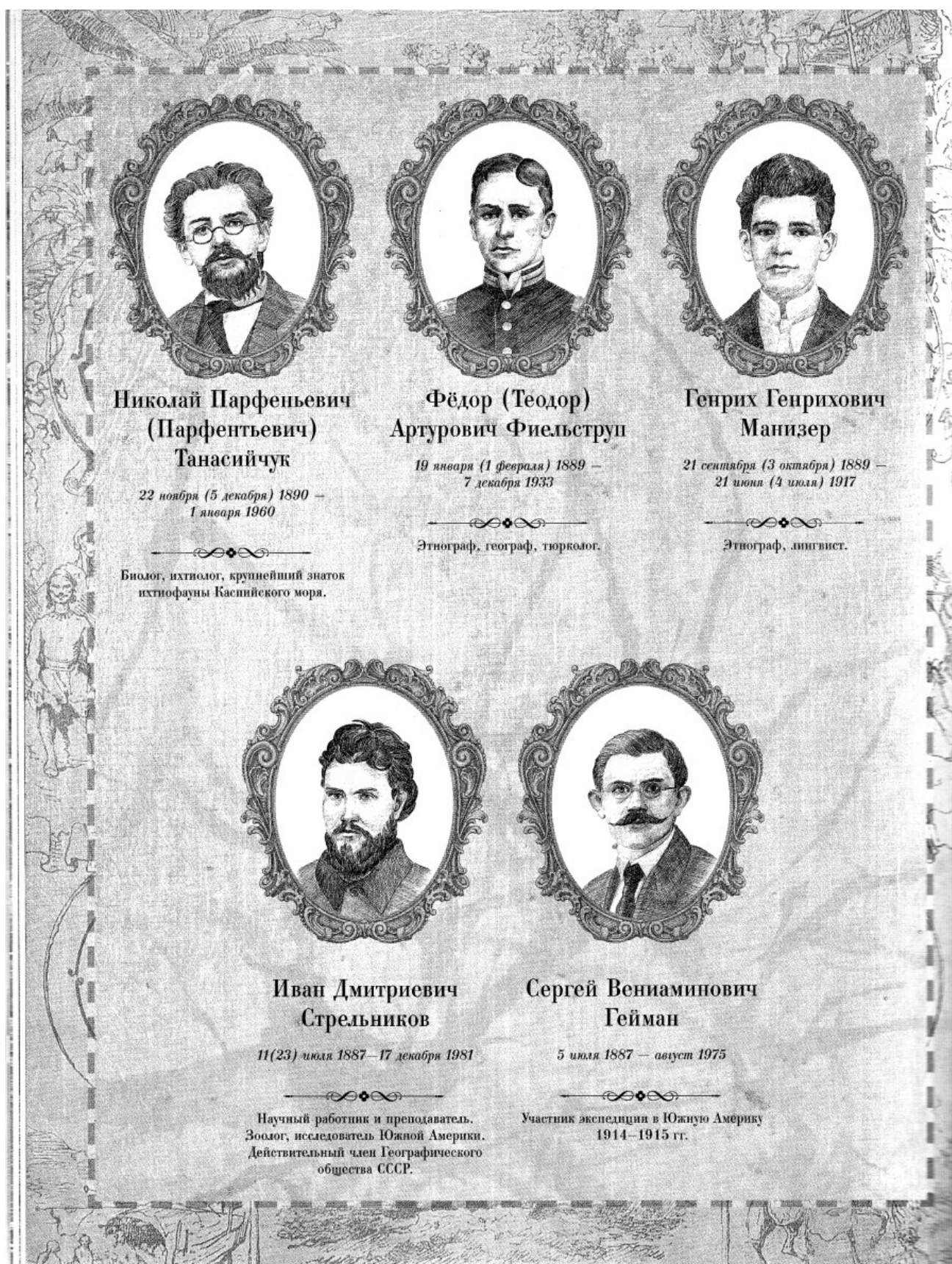

Рис. 18. Участники второй русской Южноамериканской экспедиции 1914–1915 гг. (источник изображения: Великие русские экспедиции..., 2014; с. 262)

Fig. 18. The participants of the second Russian South American expedition 1914–1915

Русская научная студенческая экспедиция стала сенсацией в Аргентине, куда изначально прибыли ее участники. Почти все газеты

того времени в Буэнос-Айресе писали об этом событии – «русос эстудиантес».

Рис. 19. Карта маршрутов Г.Г. Манизера, И.Д. Стрельникова, Ф.А. Фиельструпа, Н.П. Танасийчука, С.В. Геймана в Бразилию, Боливию и Парагвай в 1914–1915 гг. (фото: Великие русские экспедиции... 2014; с. 264)

Fig. 19. The route map of G.G. Manizer, I.D. Strel'nikov, F.A. Fielstrup, N.P. Tanasiychuk, S.V. Gaiman to Brazil, Bolivia and Paraguay in 1914–1915

16 июня экспедиция на пароходе «Монте-видео» отправилась из Буэнос-Айреса вверх по Паране, а затем по ее притоку Парагваю на север, в Бразилию. Высадившись через две недели в городке Корумба в штате Мату-Гросу, путешественники разделились на две группы по специальностям. И.Д. Стрельников и Н.П. Танасийчук поселились в лесах в 50–60 км от Корумбы и, собрав там большое количество зоологических материалов, в середине сентября переехали в восточную Боливию, где продолжали свои работы. Тем временем этнографы выехали из Корумбы в поселения индейцев племени кадиувео в южной Бразилии. Путешествие было нелегким: из селения Барранку-Бранку на реке Парагвай нужно было идти пешком около 200 километров. С.В. Гейман 21 августа отделился от группы и, возвратившись через Парагвай в Буэнос-Айрес, предпринял несколько поездок по Уругваю. Среди кадиувео Г.Г. Манизер и Ф.А. Фиельструп жили более двух месяцев, были собраны богатые этнографические коллекции и лингвистические материалы. Ценную коллекцию, этнографические и лингвистические материалы добыли они и в поселениях индейцев терено и ушавантов.

В конце октября с Манизером и Фиельструпом произошла катастрофа на реке Рио Парагвай. Начался сезон дождей. После

ливней реку внезапно вспучило, и лодка с коллекциями перевернулась. Были потеряны все этнографические коллекции, которые они собирали с огромным трудом три месяца. Часть уникальных материалов так и не удалось восстановить впоследствии, а позже многие индейские племена потеряли свою самобытность или исчезли. Утрата оказалась невосполнимой для науки. Было потеряно время и больше половины денег. Но молодые ученые не сдавались. Порывистый и нетерпеливый Манизер говорил: «Работать! Не надо думать о том, что мы потеряли. Надо доказать, что мы не мальчишки, поехавшие в Америку за приключениями. Мы не можем обмануть доверие всех, кто помогал нам, кто надеется на наш успех. Сейчас у нас множество возможностей для работы – мы приобрели опыт, знаем людей и места, и если вернемся к индейцам, то за месяц сделаем то, на что потратили три».

В ноябре этнографы направились в штат Сан-Паулу к индейцам каинганг, но Фиельструп вскоре должен был возвратиться в Аргентину. Манизер же в течение восьми недель с увлечением изучал быт и обычаи каингангов – племени, которое совсем недавно до этого стало известно исследователям, записал около 800 слов и выражений их языка. В то же время он два раза посетил в местечке Арариба племя гуарани.

Рис. 20. Водопад Игуасу (http://storage.surfingbird.ru/l/13/11/19/8/r2_www.catsmob.com_iguazu_falls_02954_002_eb8b821f.jpg)

Fig. 20. The Iguazu Falls

И.Д. Стрельников и Н.П. Танасийчук в октябре 1914 г. спустились по реке в Асунсьон, откуда при содействии Р. Риттера выехали в селение Пуэрто-Бертони, расположенное в горах недалеко от границы с Бразилией, и остановились у ботаника М. Бертони. Недалеко располагался изумительно красивый и грандиозный по масштабам водопад Игуасу (рис. 20). Место, где вода с ревом и пеной низвергается вниз, называется «Гарганта дель Дьябло» – Глотка дьявола. Как раз около этого места Стрельников, пробираясь по камням всего в нескольких метрах от пропасти, оступился и провалился в ледяную воду по грудь. Мощный поток неудержимо потянул его к обрыву. В нескольких метрах от пропасти он, поняв безысходность ситуации, закричал Танасийчуку: «Прощай, Никола!» Но на самом краю он чудом смог зацепиться руками за острый камень и удержаться от падения. Осторожно, по сантиметру, ему удалось на руках выползти на мелкое место.

Первые четыре месяца зоологи жили в лесах Alto Parana (вблизи устьев рек Monday и

Iguazu) и занимались лишь сбором зоологического материала и наблюдениями. Далеких экскурсий предпринимать не могли, потому как не было сапог и одежды. Получив небольшое подкрепление, они смогли отправиться в глубь лесов к индейцам каа'ихвагарани, среди которых пробыли три месяца. Отношения складывались по-разному. Иногда из-за незнания местных обычаев они попадали в сложные ситуации. Тем не менее они выменивали иголки, зеркальца, блестящие пуговицы на предметы обихода индейцев (рис. 21, 22). Сложнее обстояло дело с фотографированием. Видя в видоискателе фотоаппарата маленькую фигурку человека, они считали, что это его душа, которую пришлые белые люди похищают. Значит, надо разломать непонятный аппарат и прогнать злых пришлых людей. Несколько раз приходилось просто убегать от разгневанных аборигенов. Но потом, на собственном примере, зоологам удалось убедить индейцев, что ничего страшного при фотографировании не происходит.

Рис. 21. И.Д. Стрельников (слева) и Н.П. Танасийчук (в центре) с проводниками-индейцами. Экспедиция в Южную Америку. 1914–1915 гг. (<http://journal.spbu.ru/?p=8860#>)

Fig. 21. I.D. Strel'nikov (left) and N.P. Tanasiychuk (in the center) with conductors-Indians. Expedition to South America. 1914–1915

Рис. 22. Иван Дмитриевич Стрельников с индейцами в Южной Америке. 1914–1915 гг. (URL: http://journal.spbu.ru/wp-content/uploads/2012/11/strelnikov_01.jpg)

Fig. 22. I.D. Strel'nikov with Indians. Expedition to South America 1914–1915

Ученые были настолько увлечены работой, что часто забывали о трудностях и опасностях. Так, Иван Стрельников, впервые увидев гигантскую кувшинку Викторию амазонскую, бросился по грудь в воду, распугав и пираний, и кайманов, и исколов все руки об острые шипы, добыл цветок для коллекции.

Работать приходилось и в горных лесах восточной Боливии, где индейцы нападали и убивали пришельцев. Причиной этому были жестокие убийства целых индейских семей поселенцами. В таких местах ученым приходилось дополнительно носить в кармане во время работы браунинги.

Но самые большие трудности выпали на долю зоологов. Раны и нарывы от песчаных блох, живущие под кожей личинки оводов, которых в местных условиях нельзя извлечь без риска заражения крови и надо было ждать, пока они выйдут сами, малярийная лихорадка, постоянные укусы мошек, боль от которых очень сильна, клещей на коже собирали до 200 за сутки....

Далее привожу несколько цитат об усло-

виях жизни во время этой экспедиции по книге Танасийчука (2003).

«Спичек нет, огонь добываем с помощью лупы...»

«Исцарапанные руки горят, колени и локти в синяках, но это еще ничего. Самое неприятное — паутина. Изящная золотистая паутина пауков Ньянду, на которой блестит роса. Издали это красиво, но вблизи... Липкая, тягучая, она обволакивает одежду, руки, лицо...»

«Нет, наши путешественники не голодают, но постоянно недоедают, их мучают гастрономические сны с петербургскими обедами, с пирогами, сырами, ветчиной...»

«Они устали от ночного холода и дневной жары, от болезней, грязи и кровососов, их угнетало сознание своей оборванной бедности. Казалось бы, они сделали все, что хотели, — собрали богатейшие зоологические и этнографические коллекции, променяли на индейскую утварь все, что только было возможно, вплоть до собственной одежды. Они могли бы со спокойной совестью воз-

вратиться, они мечтают о возвращении – и все-таки остаются, надеясь увидеть, записать, собрать еще что-то новое, невиданное и несобранное».

«Трудно было с одеждой, эта тема все время возникает в дневнике Николая. Он описывает свой костюм: грязный полотняный пиджак, брюки с громадными и многочисленными заплатами, изорванные до последней степени возможности сапоги – о других частях туалета лучше не говорить».

«Занялся туфлями – единственная моя теперешняя обувь. Они в таком же состоянии, как были сапоги после возвращения с баррера».

«Починяю брюки – верней, из двух драных пар делаю одну менее драную».

«По колено в воде, кишасей жизнью, бродил я по лагунам в Сан-Доминго, с сачком в руке ловил водяных змей в Пуэрто-Сукре... Я совершал полные прелести прогулки в девственном лесу на берегах Альто Парана – и едва не умер от жажды в Мату Гроссу... Разве не это счастье – побывать в стольких краях, увидеть столько – и сидеть сейчас на берегу ручейка, в тени древовидных папоротников?»

Между тем С.В. Гейман с января 1915 г. почти полгода путешествовал по Чили и Огненной Земле, жил в поселениях индейских племен она, араукан и яганов. После возвращения в Аргентину он решил продолжить исследования в Чако, а затем поехать в Боливию и Перу.

Ф.А. Фиельструп с помощью профессора Амбросетти смог совершить путешествие на аргентинском военно-учебном судне «Presidente Sarmiento» в качестве командированного музеем этнографии. В начале февраля судно вышло из Буэнос-Айреса. В прибрежных городах и селениях Патагонии, а также в Ушуае на Огненной Земле, куда заходил корабль, Фиельструп делал раскопки, производил различные наблюдения и собрал этнографическую коллекцию. После этого корабль, пройдя вдоль берегов Южной и Центральной Америки, посетил Сан-Франциско, возвратился на юг и через Панамский канал прибыл в Гавану, после чего посетил Азорские острова и Мадейру. Во время стоянки судна в Кальяо Фиельструп съездил в Лиму, а также, воспользовавшись содействием известного перуанского антрополога доктора Хулио Сесара Тельо, совершил поездку к развалинам древних городов Кахамаркилья и Пачакамак, добыл из доинковских могил кое-что из керамики, приобрел у местного

крестьянина экземпляры текстильного производства того времени – хлопковые материи с несколькими орнаментами.

Г.Г. Манисер 20 февраля 1915 г. послал из Рио-де-Жанейро директору петроградского Музея антропологии и этнографии академику В. В. Радлову «Краткое предварительное сообщение о работах студенческой экспедиции в Ю. Америке с 21 апреля 1914 г. по 1 февраля 1915 г.». Интересен его рассказ об этнографических исследованиях в Парагвае и бразильских штатах Мату-Гросу и Сан-Паулу, где были встречены восемь индейских племен (чамококо, чикитано, киникинао, терено, кадиувео, шаванты, каинганги и гуарани). Направляя этот отчет в Академию наук, российский посланник в Бразилии П.В. Максимов писал: «Не могу не выразить своего истинного удивления и чувства глубокого уважения по адресу незаурядной русской научной экспедиции, сумевшей при самых ничтожных для здешних стран средствах достичь ценой истинного самопожертвования результатов, кои императорская Академия наук будет иметь возможность оценить не без чувства вполне обоснованного удовлетворения».

В конце февраля Г.Г. Манисер отправился в штат Эспириту-Санту, а затем в Минас-Жерайс, где на протяжении семи месяцев изучал особенности быта и языка ботокудов и собрал большую коллекцию.

К началу 1916 г. все путешественники, кроме С.В. Геймана, различными путями возвратились в Россию. Гейман остался в Калифорнии. «Всего мы привезли 16 ящиков коллекций (43 пуда) по зоологии, этнографии, ботанике, – писали об итогах своей работы И.Д. Стрельников и Н.П. Танасийчук. – Крупный спиртовой материал в 13 металлических жестянках вместимостью в 50 литров и в 190 стеклянных банках; было приготовлено 180 птичьих шкур (около 30 погибло), 20 млекопитающих. Коллекция насекомых в 16 ящиках – не менее 15000 экземпляров было первоначально; привезены гнезда термитов, некоторых птиц, муравьев... По ботанике собраны образцы некоторых медицинских растений, лиан, мирмекофильных растений[23] и прочее».

Собранные экспедицией коллекции были в большей части обработаны ее участниками этнографами и переданы в научные учреждения Петрограда и Москвы. В своем кратком отчете Г.Г. Манисер писал по этому поводу: «Результатом поездки являются материалы: в Этнографический музей Академии наук –

более 500 предметов; отправлено в Музей Московского университета – около 100 №№; около 100 фотографических снимков передано в педагогический музей военно-учебных заведений; в Зоологический музей Академии наук поступили собранные ими спиртовые препараты, шкурки, кости позвоночных и коллекции насекомых; ботанические объекты предназначены для Музея Ботанического сада». Среди этнографических экспонатов самыми многочисленными были предметы, привезенные этнографами из поселений кадиувео в Бразилии. «Особенно интересна и редка коллекция от племени kaa'ihwa (Rio Monday – Парагвай), состоящая из оружия, музыкальных инструментов, амулетов и пр., всего 83 предмета. Коллекции, собранные г. Манизером у ботокудов (116 предм.) и каинганг (58 предм.), также заслуживают особого внимания, так как составлены очень разносторонне и дают полное представление о названных племенах».

Путешественники подготовили к публикации часть своих рукописных материалов. Исследование привезенных экспедицией коллекций продолжалось в начале 20-х годов в петроградском Обществе изучения Южной Америки.

Позднее научные результаты путешествия обсуждались на международных конгрессах американистов. Тем не менее эта работа не была доведена до конца.

Кроме прочего, участники экспедиции сделали важное открытие: они напомнили о забытой всеми экспедиции Георга Генриха фон Лангсдорфа (на русский манер – Григория Ивановича Лангсдорфа), который в 1821–1828 гг. возглавлял русскую экспедицию во внутренние районы Бразилии, изучавшую природу и коренное население страны. В экспедиции участвовали художники Йоганн Мориц Ругендас, Эркуль Флоранс и Адриан Тоней, а также будущий изобретатель велосипеда Карл Дрез. Экспедиция собрала большие коллекции по зоологии и ботанике, материалы о культуре и языках индейцев Бразилии (гуана, апиака, бороро и др.). Ее можно назвать первой русской экспедицией в Южную Америку.

В начале февраля 1916 г. Манизер и Фиельструп доложили о результатах экспедиции на филологическом факультете университета, а немного позже – на заседании Русского антропологического общества. 30 марта И.Д. Стрельников делает доклад на Общем собрании Императорского Русского географического общества «Год жизни натуралиста в

лесах Южной Америки», а 19 апреля выступает в Петроградском Биологическом обществе. В этот же день Танасийчук докладывает в университете на зоологическом семинаре В. П. Догеля, а 26 апреля в Петроградском обществе натуралистов-любителей. 13 мая 1916 г. Манизер, Фиельструп и Стрельников делают сообщение на заседании Отделения этнографии Императорского Русского географического общества «Об этнографических результатах поездки в Южную Америку в 1914–1915 гг.». Собрались не только зоологи и этнографы, географы и языковеды. Были профессора, генералы, адмиралы, герцоги... Зал был полон. Длинный стол около кафедры в зале заседаний был завален экзотическими предметами, привезенными из Южной Америки.

Успех был ошеломляющим. Специалисты очень высоко оценили результаты экспедиции. В течение полутора лет, несмотря на крайне тяжелые материальные и бытовые условия, были собраны уникальные материалы. За блестяще проведенную экспедицию Совет РГО присудил Манизеру, Фиельstrupу и Стрельникову почетные награды – малые серебряные медали общества (рис. 23).

Привезенные коллекции дополнили собрания музеев Академии наук: Зоологического и Этнографического. А уже в начале XXI в. сын одного из участников этой экспедиции, Виталий Танасийчук, написал по сохранившимся дневникам отца и другим материалам документальную повесть «Пятеро на Рио Парагвай» (М., 2003), материалы ссылок из которой приведены выше в рассказе об этой экспедиции.

Из экспедиции зоологи привезли двух живых ручных попугаев. Но выжил один – синелобый амазон по кличке Паракау. Он был всеобщим любимцем, но прожил у И.Д. Стрельникова всего полтора года (рис. 24).

Дальнейшая судьба участников экспедиции сложилась по-разному, у некоторых трагически... Г.Г. Манизер погиб от тифа на румынском фронте 21 июня 1917 г. в двадцать восемь лет, успев на фронте закончить книгу об экспедиции Лангсдорфа. Ф.А. Фиельструп был арестован в конце ноября 1933 г. вместе с другими учеными и прожил в тюрьме всего 10 дней... Н.П. Танасийчук пережил арест в 1933 г. по обвинению во вредительстве, лагеря и ссылку. В ссылке он снова вернулся к работе по зоологии. С.В. Гейман жил в США, потом во Франции, трижды приезжал в СССР.

РУССКОЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Вице-Председатель

ПЕТРОГРАДЪ.

27го М а р т а 1917 г.

1885

Милостивый Государь

Иванъ Дмитріевичъ.

Совѣтъ Русскаго Географическаго Общества
въ засѣданіи 22-го Февраля с.г. присудилъ Вамъ
за сообщенія о совершенной Вами экспедиціи въ
Ю. Америку, одну изъ почетныхъ наградъ своихъ -
малую серебряную медаль Общества.

Съ чувствомъ удовольствія извѣщая Васъ объ
этой почетной наградѣ, прошу принять увѣреніе въ
совершенномъ моемъ къ Вамъ уваженіи и искренней
преданности.

Ю. М. Шокальский

Г-ну СТРЕЛЬНИКОВУ.

Рис. 23. Извещение о награждении И.Д. Стрельникова серебряной медалью Географического общества, подписанное Ю.М. Шокальским (фото: Стрельникова и др., 2017; с. 72)

Fig. 23. Notice of award of I.D. Strelnikov with silver medal of the Geographical society, signed by Yu.M. Shokalsky

Рис. 24. И.Д. Стрельников с попугаем Паракау. 1916 год (фото: Стрельникова и др., 2017; с. 74)
Fig. 24. I.D. Strel'nikov with the parrot Parakau. 1916

1917–1931. ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. НОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ. ПОЕЗДКИ В США И ЕВРОПУ

Но вернемся к И. Д. Стрельникову. В 1917–1918 гг. он работал хранителем уникальных лесгафтовских коллекций (рис. 25). В первые зимние месяцы революции стало совсем плохо. Он оставался единственным человеком, который жил и следил за зданием. Закончились дрова для отопления, ценнейшей коллекции грозила гибель. По инициативе Стрельникова совет Биологической лаборатории обращается к наркому просвещения А. В. Луначарскому. «Трудовой коллектив» ученых признает большевиков и получает материальную поддержку.

Будучи в Америке, Стрельников с друзья-

ми не знали о начавшейся войне. Но в 1915 г. в Петербурге И.Д. Стрельникова призывают в армию. Некоторое время пришлось походить в шинели и испробовать «прелести» солдатского быта. Но позже, при содействии С.И. Метальникова его прикомандировывают к Институту экспериментальной медицины, где он работал по проблемам иммунитета. При этом он остро чувствовал свою огромную ответственность за жизни сотен и тысяч людей... Так и жил: днем в ИЭМ, вечером и ночью – разбор коллекций. Спал по 4–5 часов в сутки.

После восторгов и эмоционального подъема, связанного с экспедицией, И.Д. Стрельников окунается в мир жестокости, грязи, безнадежности. Он настолько тяжело это переносил, что даже заболел неврастений.

Рис. 25. И.Д. Стрельников в своем кабинете в Санкт-Петербургской Биологической лаборатории (Английский пр., 32). 1916 г. В кабинете – экспонаты, привезенные им из поездки в Америку (URL: http://journal.spbu.ru/wp-content/uploads/2012/11/strelnikov_a07.jpg)

Fig. 25. I.D. Strelnikov in his office in the St. Petersburg Biological laboratory (English Ave., 32). 1916. In the office there are exhibits brought by I.D. Strelnikov from his expedition to America

Рис. 26. Слушатели лекций Коломенских курсов для рабочих на экскурсии (фото: Стрельникова и др., 2017; с. 131)

Fig. 26. Students of Kolomenskoye courses for workers on a field trip

Одновременно с 1905 по 1919 г. Иван Дмитриевич заведовал Коломенскими курсами для рабочих при Биологической лаборатории Лесгафта (рис. 26). На курсах обучалось до 400 человек. На этих же курсах он преподавал естествознание и географию. Работал почти безвозмездно, так как большая часть его зарплаты уходила на содержание курсов.

В первые годы Советской власти организации, созданные еще П. Ф. Лесгафтом, трансформировались в три государственных учреждения (Вадимов, 2013).

Научный институт им. П. Ф. Лесгафта

Положение Биологической лаборатории после революции было тяжелым. Деньги И.М. Сибирякова закончились, а подобных меценатов больше не было. Директором Лаборатории в середине 1918 г. по просьбе И.Д. Стрельникова и членов Совета Биологической лаборатории был назначен Николай Александрович Морозов (1854–1946) – замечательный ученый, химик, деятель революционного движения, почетный член АН СССР. После 1905 г. он был приглашен П.Ф. Лесгафтом преподавать на Курсах при Биоло-

гической лаборатории химии. И.Д. Стрельников и Н.А. Морозов были дружны, жили рядом. По воспоминаниям Ивана Дмитриевича, Н.А. Морозов был человеком необычайной одаренности – математик, астроном, химик, историк, филолог, поэт, блестящий писатель.

Для нормальной деятельности Биологической лаборатории требовалось государственное финансирование. Поэтому Н.А. Морозов предложил членам Совета лаборатории просить Советское правительство о преобразовании Биологической лаборатории в Петроградский научный институт им. П.Ф. Лесгафта. Морозов обратился по этому поводу к наркому просвещения А.В. Луначарскому, а тот сообщил об этом В.А. Ленину. Ленин хорошо знал Морозова, знал Биологическую лабораторию и Курсы для рабочих, сам неоднократно бывал на курсах Лесгафта.

В 1918 г. Биологическая лаборатория превратилась в Государственный Естественнонаучный институт им. П. Ф. Лесгафта Народного комиссариата просвещения РСФСР. Институт получил государственное финансирование. В нем молодой биолог И.Д. Стрель-

ников продолжал развивать зоологический музей, создал лабораторию экологической морфологии и заведовал ими. Как «Научный институт им. П.Ф. Лесгафта» он просуществовал до 1957 г., когда был по частям передан в профильные институты Академии наук СССР. Часть сотрудников и коллекций музея были переданы в Зоологический институт Академии наук СССР. И.Д. Стрельников создал в этом институте лабораторию экологии, которая способствовала развитию экспериментальной экологии.

Институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта

Открытые в 1896 г. Курсы воспитательницы руководительниц физического образования в 1905 г. преобразовались в Высшие курсы по наукам биологическим, педагогическим и общественным при С.-Петербургской Биологической лаборатории (или Вольную высшую школу) с отделениями биологическим, педагогическим и социальным. Эти Высшие курсы были правительством закрыты в 1907 г. за политическую неблагонадежность, но после длительных хлопот восстановлены в 1910 г. как Высшие курсы с тремя отделениями: физического образования, естественное и историческое. Эти восстановленные в 1910 г. Высшие курсы в 1915 г. получили право носить имя П.Ф. Лесгафта.

При Высших курсах в конце 1918 и в начале 1919 г. были открыты детские учреждения – ясли, сад и клуб.

К концу 1918/19 учебного года директор Высших курсов С.А. Острогорский предложил Совету преобразовать Курсы в Институт физического образования им. П.Ф. Лесгафта. Директором нового института был назначен С.А. Острогорский, а в числе преподавателей были те, кто преподавал на Курсах: В.Н. Любименко, К.Н. Давыдов, Л.А. Орбели, П.Д. Мальчевский, В.С. Серебrenников, Н.И. Эфрусси, В.В. Успенский, Е.И. Тихеева, А.А. Мейер, И.Д. Стрельников, С.М. Познер и др. В 1925 г. директором Института физического образования приглашен и избран Лев Николаевич Федоров, который одновременно был и заместителем заведующего ленинградским отделом здравоохранения.

С самого начала Институт физического образования располагался в доме 25 по Торговой улице (ул. Союза Печатников, д. 25а) и в здании по Английскому пр., 32. Но в помещениях была невыносимая теснота. По инициативе И.Д. Стрельникова и при его непосредственном участии, как члена прав-

ления Института, было получено распоряжение Облисполкома о передаче Институту физической культуры дворца по набережной реки Мойки, д. 106, принадлежавшего сестре императора Николая II Ксении Александровне, и прилежащую территорию бывшего Луна-парка (где располагался театр, в котором играла В.Ф. Комиссаржевская) для стадиона (ныне ул. Декабристов, д. 35).

В 1930 г. Государственный институт физического образования был переименован в Государственный институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта (ныне это Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта).

Иван Дмитриевич Стрельников преподавал в Институте физкультуры с 1923 по 1940 г.

Географический институт

В 1916 г. после триумфальной южноамериканской экспедиции сотрудников Биологической лаборатории были открыты Высшие географические курсы. Потребность в географическом образовании была очень велика. Заместителем народного комиссара просвещения А.В. Луначарского был друг и соученик Стрельникова у П.Ф. Лесгафта В.А. Галкин, а секретарем Наркомпроса – друг И.Д. Стрельникова и участник кружка молодых биологов Л.Е. Арэнс. Таким образом, И.Д. Стрельников способствовал тому, что 3 декабря 1918 г. Луначарский подписал декрет об образовании Географического института и о передаче ему дворца великого князя Алексея Александровича, дяди Николая II, на наб. р. Мойки, 122 (сейчас там располагается Дом музыки). Для поступления в институт не было никаких экзаменов и конкурса. Нужно было только написать заявление: «Хочу учиться». Географический институт стал первым высшим географическим учебным заведением в России.

В составе Географического института было два факультета – общегеографический и этнографический. А в составе общегеографического факультета возникло биогеографическое отделение, задачей которого являлась подготовка зоологов и ботаников-географов для исследований Советского Союза, для работы в возникавших государственных природных заповедниках, для преподавания в вузах. На биогеографическом отделении были зоологические кафедры: кафедра зоологии, которую возглавлял профессор В.М. Шимкевич, и кафедра зоогеографии, кото-

рой заведовал профессор А.А. Бялыницкий-Бируля. В 1922 г. курс зоологии, который изначально читал Шимкевич, был передан И.Д. Стрельникову. А с 1923 г. Стрельников стал читать собственный курс «Экология животных на географической основе». Это был первый курс по экологии животных, прочитанный в высших учебных заведениях Советского Союза.

При кафедре зоогеографии И.Д. Стрельниковым были организованы лаборатория и музей, которыми он заведовал. Значительная часть имущества кафедры зоогеографии была позднее передана в состав кафедры зоологии позвоночных биологического факультета ЛГУ.

В 1918–1920 гг. И.Д. Стрельников предлагает организовать великую Южноамериканскую экспедицию. Поразительно, что в те годы Президиум Академии наук планы одобрил, создал «Тропическую комиссию», секретарем которой стал И.Д. Стрельников. В ее распоряжение была передана царская яхта «Зарница». Но блокада, организованная Черчиллем, разрушила все планы.

В начале 20-х гг. по инициативе И.Д. Стрельникова была начата подготовка большой тропической экспедиции для зоологических и зоогеографических исследований в южной части Атлантического океана и в тропической Южной Америке. Осуществлению этого плана помешала блокада Советского государства капиталистическими странами всего мира.

С 1920 г. на летней станции полевых работ Географического института в поселке Саблино под Петроградом И.Д. Стрельников организовал летние практические занятия студентов по зоологии и зоогеографии. На основе собранных материалов был создан оригинальный курс экологии местной фауны. В дальнейшем эти занятия в Саблино продолжались и со студентами географического и биологического факультетов Ленинградского университета (рис. 27).

Кафедра зоогеографии, где И.Д. Стрельников был первоначально ассистентом, быстро развернула большую исследовательскую работу: в 1920 г. под руководством И.Д. Стрельникова работала Мурманская экспедиция в составе пяти человек. Она исследовала фауну некоторых частей Кольского залива, Баренцева моря, Айновых островов, Печенгского залива. В 1921 г. под руководством И.Д. Стрельникова проводились гидробиологические исследования Карского моря на ледоколе «Таймыр» (рис. 28).

Именно с начала 1920-х гг. в исследованиях И.Д. Стрельникова произошли важные перемены. Он писал: «Посещение полярных стран, плавание среди опасностей полярных морей, бесконечная снежная и ледяная равнина – все это с юных лет влекло меня своею таинственностью, своими опасностями. В 1914–1915 гг. я жил в тропических лесах Ю. Америки, где видел высшее напряжение жизни на Земле, наибольший блеск ее и многообразие. И мне хотелось быть и там, где жизнь, постоянно угасая, замирала совсем, и где начиналось органическое и биологическое небытие. Противоположности максимальной напряженности жизни и минимальных ее проявлений в их основных соотношениях к остальной природе – мечта всякого натуралиста. Вот почему я с удовольствием принял предложение произвести зоологические исследования в Карском море и на Новой Земле летом 1921 г....» (Стрельникова и др., 2017; с. 81).

Собранные материалы стали предметом ряда напечатанных работ Ивана Дмитриевича. В 1922 г. И.Д. Стрельников и студент-зоогеограф Л.К. Лозина-Лозинский приняли участие в Беломорской экспедиции профессора К.М. Дерюгина. Научно-исследовательская деятельность кафедры быстро расширялась. Преподаватели и студенты-зоогеографы участвовали в экспедициях во все районы Советского Союза.

15 мая 1925 г. Географический институт был передан в состав Ленинградского университета на правах географического факультета, где И.Д. Стрельников продолжал работать.

Два летних сезона 1925 и 1926 гг. ученый работает на Севастопольской биологической станции, в 1927–1928 гг. – на Урале.

В 1928 г. И.Д. Стрельников был приглашен и поехал в США, где участвовал с двумя докладами в Международном научном этнографическом конгрессе в Нью-Йорке, во Всеамериканском конгрессе, работал в Гарвардском университете, в лаборатории Т.Моргана. Там, кроме того, он познакомился со множеством интересных людей: писателями Теодором Драйзером и Сетоном Томпсоном, знаменитым антропологом профессором Францем Ури Боасом. Он познакомился с Америкой сполна: был в трущобах, был гостем в знатных домах, посещал музеи. Домой он вернулся уже в 1929 г. К тому времени ему исполнилось 42 года.

Доцент И.Д. Стрельников в 1931 г. был избран ученым советом Географического факультета профессором.

Рис. 27. Кафедра зоологии позвоночных ЛГУ. Преподаватели и выпускники. 1935 г. Слева направо, 1-й ряд: Варвара Седова, Антонина Гурьева, Николай Антипин, Мириам Фрейндлих, Елена Корецкая, Людмила Харченко. 2-й ряд: ассистент Владимир Федорович Дельвиг, профессор Георгий Георгиевич Дюппельмайер, профессор, заведующий кафедрой Даниил Николаевич Кашкаров, профессор Иван Дмитриевич Стрельников, профессор Нестор Александрович Смирнов, профессор Валентин Александрович Догель, ассистент Николай Дмитриевич Чернов, профессор Юрий Александрович Орлов (позднее стал палеонтологом, директором Палеонтологического института в Москве). 3-й ряд: Алевтина Романова, Александра Корень, Владимир Антипин, Екатерина Соболева, Поликарп Ковалевский, Валентина Иванова, Галина Плаксина, Лев Хозацкий (впоследствии – доцент кафедры зоологии позвоночных ЛГУ), Елизавета Мотохова, ассистент Павел Викторович Терентьев, Елена Палажченко, Ксения Леушева (URL: http://journal.spbu.ru/wp-content/uploads/2012/11/strelnikov_a09.jpg)

Fig. 27. Department of vertebrate Zoology of Leningrad state University. Teachers and graduates. 1935. From left to right, 1st row: Varvara Sedova, Antonina Gurieva, Nikolay Antipin, Miriam Freindlikh, Elena Koretskaya, Lyudmila Kharchenko. 2nd row: assistant Vladimir F. Delvig, Professor Georgy G. Doppelmayer, Professor, Head of the Department, Daniil N. Kashkarov, Professor Ivan D. Strelnikov, Professor Nestor A. Smirnov; Professor Valentin A. Dogel, assistant Nikolay D. Chernov, Professor Yuri A. Orlov (later became a paleontologist, Director of the Paleontological Institute in Moscow). 3rd row: Alevtina Romanova, Alexandra Koren', Vladimir Antipin, Ekaterina Soboleva, Policarp Kovalevsky, Valentina Ivanova, Galina Plaksina, Lev Khozatsky (later – associate Professor of the Department of vertebrate Zoology of Leningrad state University), Elizaveta Motokhova, assistant Pavel V. Terent'ev, Elena Palazhchenko, Ksenia Leusheva

Таким образом, Иван Дмитриевич Стрельников в той или иной степени способствовал появлению и развитию трех крупных государственных, научных и просветительских организаций, сформировавшихся из организаций, которые были созданы еще П.Ф. Лесгафтом.

***

В 1931 г. в Германии и Франции по пору-

чению Наркомздрава СССР он знакомился с высшими учебными заведениями по физическому воспитанию, с руководящими деятелями в этой области, а также с постановкой физического воспитания детей. Это был также период знакомства с крупнейшими учеными-экологами, с зоологическими музеями разных стран, с достижениями мировой биологической науки.

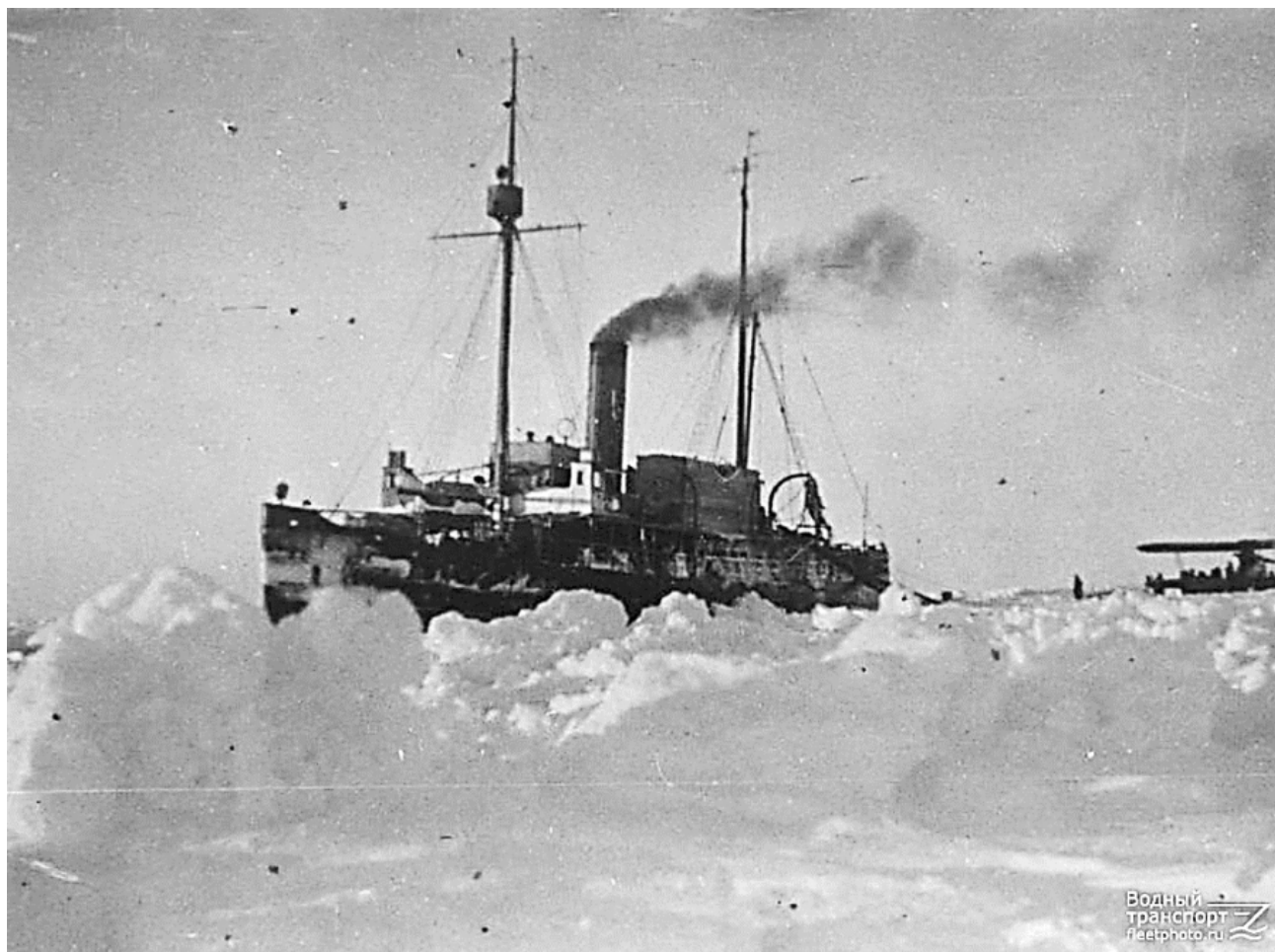

Рис. 28. Ледокол «Таймыр» (URL: <http://ff1.mosfont.ru/photo/02/01/12/201125.jpg>)

Fig. 28. The icebreaker "Taimyr"

1931–1941. СОЗДАНИЕ СВОЕЙ СЕМЬИ. ФИЗИОЛОГО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. СТЕПЕНЬ ДОКТОРА БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

По возвращении в СССР начинается новый этап его жизни и научной работы: тридцатые-сороковые годы в жизни И.Д. Стрельникова были временем больших научных достижений, интенсивной работы, горения.

В 1931 г. Иван Дмитриевич Стрельников (рис. 29) встретился с молодой девушкой, ботаником Александрой Павловной Соколовской. Ей в то время было 26 лет. Они полюбили друг друга. В этом году создалась их семья. Свадебное путешествие прошло в экспедиции в Каракумы по исследованию действия солнечной радиации на насекомых и рептилий. Жили молодожены в тростниковом шалаше рядом с Репетекской научной станцией. В 1933 г. у них родилась дочь Нина, а в 1938-м – сын Сергей.

Летом 1932 г. Иван Дмитриевич Стрельников работал на Карадагской биологической станции.

В 1933 г. Иван Дмитриевич руководит дву-

мя группами сотрудников, изучает экологию лугового мотылька и грызунов в Калмыцких степях, а в 1934 г. – в Оренбургской области. Осенью 1934 г. на Карадаге Иван Дмитриевич вновь тяжело переболел тропической малярией. В 1935 г. он руководит экспедицией по изучению терморегуляции грызунов в Брянском районе, в 1937-м возглавляет экспедицию по изучению хлопковой совки в Азербайджанской ССР, а в первой половине лета работает в комплексной Эльбрусской экспедиции АН СССР по действию солнечной радиации на насекомых и рептилий.

В 1934 г. И.Д. Стрельников был приглашен в Зоологический институт АН СССР в качестве ученого специалиста для организации и заведования лабораторией экологии. В институте он проработал до 1939 г. Здесь в 1935 г. ему была присуждена степень доктора биологических наук без защиты диссертации «за выдающиеся научные труды в области экологии и сравнительной физиологии разнообразных типов животного мира, имеющие большое теоретическое и прикладное значение». Отзывы о научной работе и пред-

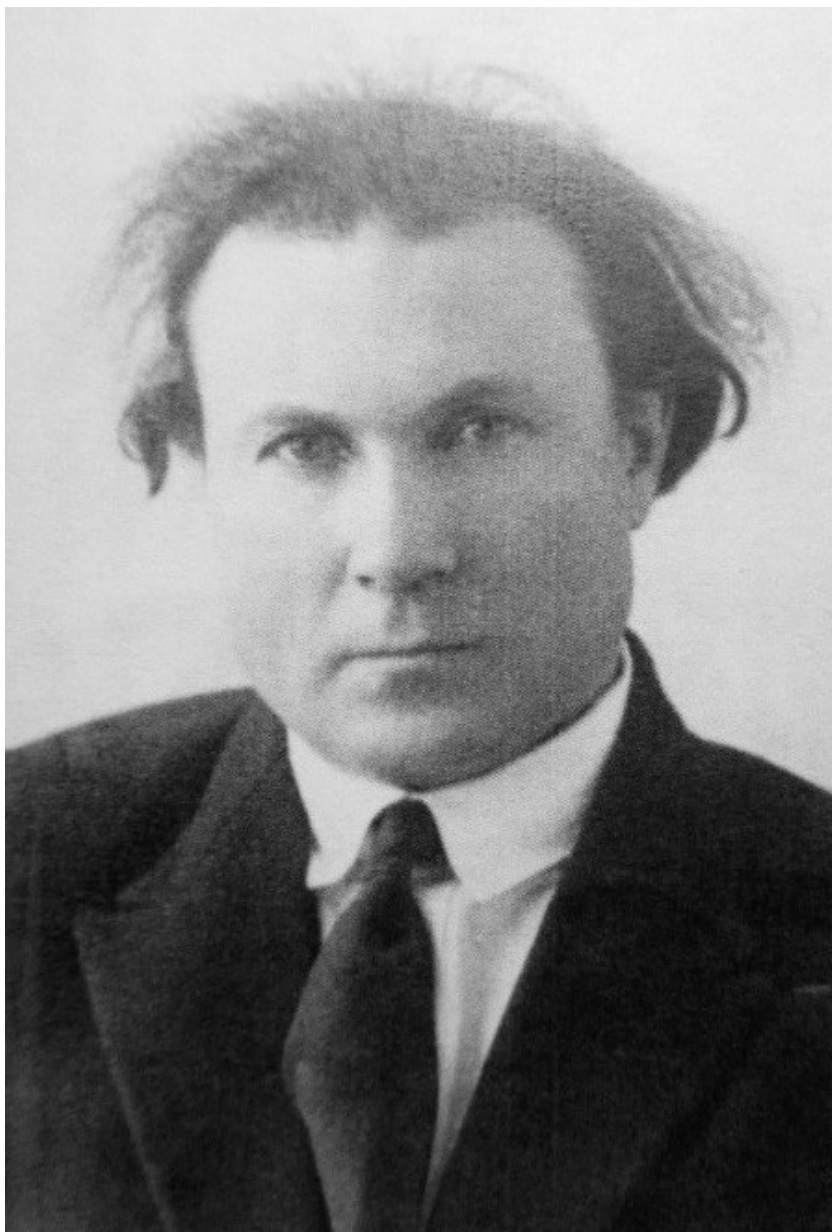

Рис. 29. И.Д. Стрельников, 1931 г. Берлин (фото: Стрельникова и др., 2017; с. 88)

Fig. 29. I.D. Strel'nikov. 1931. Berlin

ставления в Президиум АН СССР о присуждении докторской степени И.Д. Стрельникову давали академик А.А. Ухтомский и профессор Н.Я. Кузнецов.

Из официального сообщения непрямого секретаря Академии наук от 31/XII-1935: «Президиум Академии наук СССР на заседании своем от 16 декабря 1935 г., по представлению Квалификационной комиссии по биологическим наукам, присудил Вам степень доктора экологии, без защиты диссертации, за выдающиеся научные труды в области экологии и сравнительной физиологии разнообразных типов животного мира, имеющие большое теоретическое и прикладное значение» (Стрельникова и др., 2017; с. 91).

В отзыве академика А.А. Ухтомского, в частности, написано: «Я полагаю, что, опираясь на одни лишь эколого-физиологические достижения Стрельникова, было бы правомерно и целесообразно применить к нему правительственную доктрину о присуждении ученой степени доктора биологических наук без защиты специальной диссертации на основании совокупности его научных работ» (Стрельникова и др., 2017; с. 92). С ним был согласен и второй рецензент – профессор Н.Я. Кузнецов.

В 1940 г. первый раз в жизни И.Д. Стрельников с женой А.П. Соколовской отдыхали в санатории для ученых в Гаспере в Крыму.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА. ПРОДОЛЖЕНИЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Иван Дмитриевич Стрельников оставался в блокадном Ленинграде до марта 1942 г. Он спасал коллекции музея Лесгафта, охранял дома от зажигательных бомб и продолжал работать. В тяжелом состоянии был эвакуирован сначала в Ярославскую область, в Некрасовское, где в это время находилась семья. Там он лечился от тяжелой дистрофии и других обострившихся болезней. В июне – октябре 1942 г. в Некрасовском он по поручению райсовета производил обследования на предмет вредителей полевых культур и разрабатывал мероприятия по борьбе с ними.

Осенью 1942 г. вместе с семьей переехал в г. Молотов (Пермь), куда был эвакуирован Ленинградский сельскохозяйственный институт. Он продолжал в нем работать, организовал студенческое Биологическое общество, читал циклы лекций для специалистов по экологии, а с научно-популярными лекциями выступал в военных госпиталях (о путешествии в Южную Америку и жизни с индейцами, об экономике и политике США и др.).

В 1943–1944 г. И.Д. Стрельников продолжал научные исследования в области экологии животных, составлял курс лекций по экспериментальной экологии животных, писал научные статьи.

Во второй половине 1944 г. И.Д. Стрельников вместе с сельскохозяйственным институтом возвратился в Ленинград и продолжил свои исследования. Он занимался восстановлением музея экологической морфологии и лаборатории экспериментальной экологии, возобновил работу над монографией «Экологическая морфология животных», составил руководство «Экспериментальная экология животных». Он продолжал исследовательские работы и в 50–70-е гг. Их итогом стала монография «Анатомо-физиологические основы видообразования позвоночных» (1970).

И.Д. Стрельников был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

***

Параллельно с научной деятельностью Иван Дмитриевич вел и большую педагогическую работу, которой он посвятил около 60 лет жизни. Он преподавал в Институте физической культуры им. П.Ф. Лесгафта (1923–1940 гг.), в Ленинградском государ-

ственном университете на географическом (1918–1933 гг.) и биологическом (1934–1936 и 1944–1946 гг.) факультетах, в Ленинградском сельскохозяйственном институте.

Кроме общих курсов по зоологии и общей биологии, он впервые в СССР создает и читает в 20–30-е гг. курсы: «Экология животных», «Экология животных на географической основе», «Экспериментальная экология», «Сравнительно-анатомические основы теории движений животных и человека», «Пчеловодство», «Вредные грызуны» и др.

Энциклопедическая образованность, огромная научная эрудиция, богатый собственный опыт Ивана Дмитриевича, а также очень простая, понятная любому слушателю форма изложения материала способствовали огромному успеху его лекций. Иногда даже в большой аудитории они приобретали форму беседы. В 1925 г. он был избран профессором.

В 1939 г. Иван Дмитриевич Стрельников создал кафедру зоологии Ленинградского сельскохозяйственного института (ныне Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»). Это одна из старейших кафедр факультета агротехнологий, почвоведения и экологии. Он руководил ею до 1966 г. В 80-е гг. в связи с реорганизацией ее присоединили к кафедре общей энтомологии и получилась кафедра защиты и карантина растений. Профессор И.Д. Стрельников был блестящим лектором и воспитателем молодежи (рис. 30–32). Он подготовил целую плеяду известных советских зоологов, в их числе д.б.н., профессор С.Г. Пегельман, д.б.н. В.П. Столяров, д.б.н. В.П. Голанцев, д.б.н. И.Л. Туманов, а также десятки зоологов – кандидатов наук. Иван Дмитриевич создал и читал в институте курсы лекций по нескольким дисциплинам: «Зоология», «Вредные грызуны», «Пчеловодство», «Вредные нематоды». Под его руководством на кафедре зоологии сложился дружный, высококвалифицированный коллектив преподавателей.

После ухода профессора Стрельникова на пенсию в 1966 г. заведование кафедрой перешло к профессору Сильвии Гансовне Пегельман.

Выйдя на пенсию, Иван Дмитриевич не прекратил работать. За это время он опубликовал около 15 научных статей и одну монографию «Анатомо-физиологические основы видообразования позвоночных»

Рис. 30. И.Д. Стрельников беседует со студентами Сельскохозяйственного института. 26 мая 1964 г.
(URL: http://journal.spbu.ru/wp-content/uploads/2012/11/strelnikov_a14-300x187.jpg)
Fig. 30. I.D. Strelnikov is talking with students of the Agricultural Institute. May, 26th, 1964

Рис. 31. И.Д. Стрельников принимает экзамен по зоологии. Сельскохозяйственный институт. 1960-е гг.
(URL: http://journal.spbu.ru/wp-content/uploads/2012/11/strelnikov_a12.jpg)
Fig. 31. I.D. Strelnikov is examining in Zoology. Agricultural Institute. 1960-ies

Рис. 32. Экзамен по зоологии. ЛСХИ, г. Пушкин. 1960-е гг. (URL: http://journal.spbu.ru/wp-content/uploads/2012/11/strelnikov_a13-300x198.jpg)

Fig. 32. Examination in Zoology. Agricultural Institute. Pushkin. 1960s

(Стрельников, 1970), выступал с докладами на различных научных конференциях и т. п.

Летом он жил с семьей в доме, который они снимали в пос. Выра Гатчинского района на реке Оредеж. Туда часто приезжали дети и внуки.

В 1977 г. девяностолетний юбилей отмечать не собирались, но в село Выра 11 июля пришло множество поздравительных телеграмм, и, кроме того, собралось множество его друзей и учеников... (рис. 33).

Всю жизнь Иван Дмитриевич активно интересовался философией: Гегель, Кант, Спиноза. Но он читал их не просто как информацию, а с их помощью старался осмыслить реальную жизнь людей вокруг и себя самого.

О своих отношениях с Богом и религией, как выражении жизни души, Иван Дмитриевич писал в письме киевскому другу и коллеге Савве Филимоновичу Манзю: «В переходные от 92-го к 93-му году жизни я занят был изучением сочинений Спинозы, идеи которого, начиная с переживаний 1910 года на вершинах Альпийских гор, среди снегов и льдов в июле месяце, в течение 70 лет стрелой пронизывали мою длинную жизнь.

Перечитывая здесь, в Выре, про Эйнштейна (одного из величайших гениев в истории человечества), привожу его определения: “Я верю в бога Спинозы, проявляющегося в гармонии всего сущего, но не в бога, занимающегося судьбами и поступками людей”. Незадолго до смерти А.Эйнштейн назвал себя в одном из писем “глубоко религиозным неверующим”. Он был проникнут убеждением, что источник стремления к истине и познанию возникает на религиозной почве. Естествознание без религии казалось ему хромым, а религия без естествознания – слепой. Я могу про себя сказать, что пребывание в течение трех лет в Троице-Сергиевой лавре в качестве церковного чтеца, во время торжественных служб доводившего старушек до слез умиления, сказалось на моей научной деятельности, на общей ее направленности» (Стрельникова и др., 2017; с. 117–118).

Иван Дмитриевич тихо скончался 17 января 1981 года в возрасте 93 лет. Он просто не проснулся утром...

***

Дочь И.Д. Стрельникова, ботаник, профессор СПбГУ, Нина Ивановна, в своих вос-

Рис. 33. И.Д. Стрельников с внуком Костей. Выра. 1980 г. (фото: Стрельникова и др., 2017; с. 114)

Fig. 33. I.D. Strel'nikov with his grandson Kostya. Vyra. 1980

поминаниях об отце (Жервэ, 2012) обращает внимание на то, что в биографии Ивана Дмитриевича весьма интересны три совершенно неординарных обстоятельства.

Во-первых, как не раз шутил сам профессор, он за всю свою жизнь не сдал ни одного экзамена. Присужденные ему в 1935 г. в Зоологическом институте за совокупность трудов степень доктора биологических наук и диплом профессора были единственными его документами об образовании! Если, конечно, не считать дореволюционный аттестат из церковно-учительской школы. Вме-

сте с тем И.Д. Стрельников – автор более 100 научных работ по зоологии, экологии, физиологии, этнографии и истории науки.

Во-вторых, он был на редкость везучим человеком. В 1916 г. кайзеровская субмарина не торпедировала корабль, на котором в Европу возвращался молодой биолог. В смутные годы сталинских репрессий Иван Дмитриевич плодотворно работал и объехал почти весь СССР, изучая животных и растения. Просто удивительно, что этого прогрессивно мыслящего человека, прожившего во Франции, США и других странах, не

объявили тогда «парагвайским шпионом». В период гонений на генетику (1948–1953 гг.) И.Д. Стрельников почему-то не попал в проскрипции вейсманистов-морганистов и продолжал преподавательскую деятельность в образовательных учреждениях, сея «вредные» идеологические семена монаха Менделя в умы советского студенчества.

Наконец, заслуживает внимания и уважения тот факт, что И.Д.Стрельников постоянно занимался самоконтролем интеллекта. В последний год жизни, после тяжелого воспаления легких, когда он очень ослаб, в письме тому же своему другу С.Ф.Манзю от 22 августа 1980 г. он писал: «Хорошо, что мой лечащий врач, наблюдавший за мной с 1960 г., умело принялся лечить меня и поставил на ноги, прояснил сознание и привел меня в мою норму. Контроль над своим интеллектом я производил способностью понимать сочинения великого философа Э.Канта. До болезни я хорошо справлялся с текстом Канта (в подлиннике). После тяжелой болезни я снова пробовал читать “Критику чистого разума”, чтобы определить, насколько я поглупел. И оказалось, что я сохранил способность читать и понимать тексты “Критики чистого разума”. Это меня утешило. Я – выздоровел...!» (Стрельникова и др., 2017; с. 118).

***

Еще в 1965 году, любуясь красотами Карелии на берегу оз. Вуокса, Иван Дмитриевич сформулировал свое кредо, которому следовал всю свою жизнь:

«А теперь порой думаю, что надо больше заботиться о развитии тех достижений в науке, которые останутся связанными с твоим именем, как твой вклад в общее дело.

В этом направлении мои способности в науке, умение идти своими, не проторенными путями в науке, быть пионером в новых ее направлениях, – далеко не полностью проявлены и использованы.

Я был ученым-одиночкой, работавшим в стороне от больших проторенных дорог и больших учреждений на этих больших дорогах.

К тому же я никогда не шел ни в какие сделки со своей совестью и понятием о долге; отсюда столкновения с сильными мира этого в науке; они не любят несговорчивых и не кланяющихся им; поэтому не поддерживают, и порою тормозят...

И хорошо, что я не научился кланяться сильным во власти. Но я поклонялся сильным духом» (Стрельникова и др., 2017; с. 118).

В своем отношении к студентам и вообще к процессу образования и воспитания он, как и в науке, шел своим, особым путем.

Иван Дмитриевич был очень запоминающейся личностью: «...статный, высокий пожилой человек с прямой спиной, крупной головой и длинными до плеч седыми волосами. В институте он обычно появлялся в темно-синем или черном костюме прямого покроя, с удлинненным пиджаком, в белоснежной рубашке с широкими манжетами и крупными запонками. На его шее вместо галстука всегда красовался фуляр – широкая черная лента, завязанная бантом. Не зная, кто это, его можно было признать за... известного художника или скульптора» (Стрельникова и др., 2017; с. 109).

Иван Дмитриевич был очень требователен и к себе, и к студентам, за это они его еще больше уважали и любили. «Природа наградила Ивана Дмитриевича разными талантами, но по прошествии многих лет мы стали четко понимать, что наиболее ценным из них был талант учителя – воспитателя, его способность возбуждать в умах молодых слушателей любовь к природе и необходимость восприятия ее законов. Быть не только сторонними наблюдателями за состоянием окружающей среды, но и беззаветно служить интересам выбранной специальности и направлению в науке. В свое время Иван Дмитриевич получил прекрасную биологическую подготовку, прежде всего эколого-морфологической направленности, тесно общаясь с такими выдающимися учеными, как П.Ф. Лесгафт, С.И. Метальников, И.И. Мечников» (Стрельникова и др., 2017; с. 109). Все это студенты чувствовали, и на его лекциях всегда были полные аудитории. Его уважали и за огромный багаж знаний и опыта, и за то, что отношения со студентами у него были свободные, спокойные и уважительные, в них не было высокомерия. Сами лекции он вел зачастую не совсем обычно – не в форме формальной подачи материала, а увлекательной беседы. И практические занятия велись совершенно произвольно, с единственной целью – научить студентов самостоятельно мыслить, анализировать, грамотно аргументировать свои выводы и отстаивать их на дискуссиях. Для недавних школьников это было непривычно, но чрезвычайно интересно и привлекательно. От этого веяло чем-то взрослым, настоящим.

Весьма примечательной была и сдача профессору экзамена, которая должна была показать не только знания по зоологии, но и

способность студента самостоятельно мыслить. После формального ответа студента на вопросы в экзаменационном билете началось самое главное, чего молодежь очень боялась. Профессор начинал задавать множество дополнительных вопросов, касающихся всего, что так или иначе было связано с темой вопроса и должно было выявить глубину знаний студента. Хотя общеобразовательный курс по зоологии проходили только на первом и втором курсах, среди студентов существовало расхожее мнение о том, что если студент сдал профессору зоологию с первого раза, то это служит показателем его общей эрудиции и в известной степени гарантией возможности в установленные сроки закончить институт.

Он привлекал своих студентов к научным работам и требовал, чтобы они вели ее не просто выполняя задание, а с рассуждением. Бывали ситуации, когда, получив от студента вариант курсовой работы, он перечеркивал ее крест-накрест красным карандашом и писал поперек: «Переделать», а когда у него спрашивали: «А как?», он спокойно отвечал: «Подумай».

«Запомнилось нам и строгое отношение Ивана Дмитриевича к внешнему виду, прежде всего студенток, который должен был подчеркивать серьезность их подхода к учебному процессу. Студентки, которые приходили на занятия или, не дай Бог, на экзамен в укороченной до чуть выше колен юбке или с ярко накрашенными губами, ресницами и ногтями, воспринимались им как вызов всем нормам приличия и рисковали остаться без положительной оценки по искомой дисциплине. В то же время Иван Дмитриевич самоотверженно защищал интересы своих дипломников и аспирантов, если на них вдруг наваливались несправедливые нападки со стороны сотрудников администрации института. Так, например, в 1964 г. два аспиранта (В.П. Галанцев и И.Л. Туманов), вернувшиеся из длительной полевой командировки с элегантными бородками, были вызваны к заведующей аспирантской частью института, весьма строгой даме лет 45. После нудной нотации им было приказано срочно сбрить бороды под угрозой незамедлительного отчисления из аспирантуры. Совсем молодые люди были крайне расстроены приказом, поскольку хотели казаться старше своего возраста. Дело в том, что профессор обязал их читать лекции и вести практические занятия с заочниками, которые были старше и внешне много солиднее. Узнав о случив-

шемся “горе” Иван Дмитриевич вскочил с кабинетного кресла и вместе с ними отправился выяснять обстоятельства в учебную часть аспирантуры. Резко распахнув дверь, он эмоционально обратился к заведующей со следующими словами: “Милочка? Какие претензии у Вас к моим бородачам? У них эта растительность на лице натуральная, данная Богом! А, вот у Вас я замечаю короткая юбка, выше колен, и ярко накрашенные глаза и губы — это не естественный облик в учебном Вузе! Зачем Вы это делаете? Чтобы в Высшем учебном заведении, где необходимо только напряженно учиться, привлекать к себе внимание молодых людей? Это не хорошо и недостойно для сотрудника администрации ВУЗа”. Покрасневшая от стыда, и сразу же притихшая дама явно не знала, что ей ответить. После этого инцидента никаких претензий к “бородачам” в Вузе не было, а их количество в институте сразу же увеличилось, за счет аспирантов, обучавшихся на других факультетах» (Стрельникова и др., 2017; с. 110).

Он был человеком сдержанным и уравновешенным. Если возникали ситуации, когда по разным причинам между людьми создавалось сильное напряжение, способное привести к серьезному скандалу или конфликту, он быстрыми шагами выходил на улицу и некоторое время гулял по парку. Возвращался уже спокойным. Вообще он уделял много внимания ходьбе пешком как важному средству сохранять физическое и психическое здоровье. В обязательном порядке в любую погоду он проходил километра три пешком. Кроме того, еще по совету И.И. Мечникова по пятницам устраивал себе «разгрузочный день» — ничего не ел, только пил кефир и больше гулял.

Профессор очень тепло относился к студентам, приехавшим учиться издалека. Видимо, сказывался его собственный опыт, его собственная жизнь. Он опекал их, помогал с общежитием, в решении разных житейских проблем, даже иногда помогал собственными деньгами.

***

Теплые впечатления об Иване Дмитриевиче Стрельникове и о его лекциях бывшие студенты сохранили на всю жизнь. На студенческом капустнике пели: «...И последний могикин, мчится Стрельников Иван...».

И еще, к Новому, 1964 году студенты написали Стрельникову пожелание:

«Молодость, бодрость,
Глубокая мудрость,

Разве забудем когда-нибудь Вас!
Строгий профессор,
Чуткий наставник,
Свет науки несущий для нас.
И не сотрутся годами слова,
Ставшие нашим девизом:
“Жить все время ярко горя,
И не тлеть, не коптеть,
Не гаснуть!”»
(Стрельникова и др., 2017; с. 1964)

***

«Семья создалась в довольно зрелом возрасте (44 года), разница в возрасте со спутницей жизни, Александрой Павловной Соколовской, была 18 лет. Но взаимоотношения были удивительными, они основывались на очень бережном отношении друг к другу, глубоком уважении и поддержке. Мы не помним, чтобы на нас, детей, отец когда-нибудь повышал голос. Когда он был чем-то недоволен, он осуждающе смотрел, а если проступок был очень серьезным – заболел и отворачивался от нас» (Стрельникова и др., 2017; с. 4).

«Иван Дмитриевич сочетал в себе основы энциклопедизма XIX века и культуры XX века. Он знал пять иностранных языков (немецкий, французский, английский, испанский (португальский), итальянский), следил за мировой научной литературой (отчасти художественной и политической, всегда читал французскую газету “Юманите” и др.). Познакомившись в молодые годы с западной культурой, Иван Дмитриевич отдавал должное великим ее достижениям, но предпочитал русское искусство и литературу. Он всегда с трепетом слушал хор под управлением А.В. Свешникова, с восхищением смотрел танцы ансамбля “Березка”, поклонялся спектаклям МХАТа» (Стрельникова и др., 2017; с. 4).

Иван Дмитриевич Стрельников был замечательным человеком, «осколком» действительно «золотого» времени российской науки, с его блистательными учеными и педагогами, с тонким воспитанием, уважением и беззаветным служением, с искренним стремлением познавать, а не делать карьеру. И чем больше современных людей, чем больше молодых научных работников будут знать о том времени, о тех замечательных людях, тем лучше будет для них самих и для науки, тем лучшее нас ждет будущее...

Кроме того, Иван Дмитриевич был живой, эмоциональный человек, который свою эмоциональность вкладывал в служение делу, которое оказалось его, в любовь и уважение

к окружающим его людям. А внутренние напряжения, которые, конечно, возникают в душе у каждого человека, он научился подчинять разуму. Это прекрасное сочетание эмоций и разума, которое должно было бы стать примером для многих из нас.

Собирая материал об Иване Дмитриевиче Стрельникове, нам довелось встречаться с разными людьми, которые его знали, которые в свое время были его студентами. Эмоциональная окраска этих воспоминаний была разная, среди них были и такие люди, которые вспоминали профессора с некоторым раздражением. Прежде всего это касалось немногих его бывших студентов и связано было с его особой требовательностью и принципиальностью в вопросах преподавания. Хотя, опубликовав за последние годы несколько статей о совсем или частично «забытых» биологах, очень талантливых, самобытных и неординарных, мы видим, что такие люди по многим причинам не всегда «удобоприемлемы» для окружающих современников. Но, по нашему глубокому убеждению, они имеют право на свою самобытность во всем, главное – что талант этот направлен не на получение своей эгоистичной, прагматичной выгоды, а альтруистичен по своей природе. Неординарные люди могут быть в чем-то неудобны, но в первую очередь благодаря именно им живет и развивается этот мир!

***

В заключение хотелось бы выразить огромную благодарность Нине Ивановне Стрельниковой за то, что ее трудами на свет появилась замечательная книга о большом ученом, ее отце Иване Дмитриевиче Стрельникове, материалы из которой и легли в основу данной статьи, а также за то, что она уделила время на обстоятельное и теплое общение с нами, за информацию, за неоценимую помощь в работе над этой статьей.

[1] Карл Карлович Буллá (1855–1929) – родоначальник русской фотожурналистики, владелец фотоателье в Санкт-Петербурге, вошедший в историю как «отец российского фоторепортажа». Портретист и мастер документальной фотографии. Его фотоателье изначально, с 1875 г., находилось в Пассаже, а затем, в 1908 г., он приобрел фотоателье на Невском, 54.

[2] Торцевая мостовая – в Петербурге до 1924 г. главные улицы, в том числе Невский проспект, были замощены торцами – шестиугольными деревянными торцевыми колодками, которые во время наводнений всплы-

вали, и улицы требовалось снова мостить. Движение грузовых обозов (ломовиков) по торцевым мостовым было либо запрещено, либо ограничивалось несколькими часами в сутки. Ломовики в основном ездили по улицам, замощенным булыжником.

[3] Канонарх – церковнослужитель, возглашающий перед пением глас и строчки из молитвословия, которые вслед за возглашением поет хор.

[4] Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) – российский ученый, педагог, просветитель, профессор Московского университета, ботаник и математик. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Надворный советник.

[5] Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) – русский правовед, государственный деятель консервативных взглядов, писатель, переводчик, историк церкви, действительный тайный советник. Главный идеолог контрреформ Александра III. В 1880–1905 гг. занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. Член Государственного совета (с 1872 г.).

[6] Петр Францевич Лесгафт (1837–1909) – биолог, анатом, антрополог, врач, педагог. Также известен как создатель теоретической функциональной анатомии в палеонтологии, научной системы физического воспитания, прогрессивный общественный деятель России.

[7] Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) – русский ученый, историк, юрист, социолог эволюционистского направления и общественный деятель, один из руководителей русского масонства, член I Государственной Думы и Государственного совета. Большая часть его деятельности проходила за границей, что, вместе с признанием его трудов, в том числе на иностранных языках, сыграло роль в получении им известности в мире. Академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

[8] Евгений Викторович (первоначальное имя Григорий Вигдорович) Тарле (1874–1955) – российский и советский историк, академик АН СССР.

[9] Робер Ипполит Шода (1865–1934) – швейцарский ботаник, химик и миколог, исследователь флоры Парагвая, Аргентины и Испании. Член-корреспондент АН СССР, иностранный член Лондонского Линнеевского общества, обладатель медали Линнея.

[10] Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) – мыслитель, представитель русской

религиозной философии, один из основателей направления интуитивизма в философии.

[11] Сергей Аскольдов (настоящее имя Сергей Алексеевич Алексеев) (1871–1945) – русский религиозный философ, спиритуалист и панпсихист, профессор Санкт-Петербургского университета. Сын философа А.А. Козлова, друг и оппонент Н.О. Лосского.

[12] Илья Иванович Иванов (1870–1932) – русский и советский биолог со специализацией в области искусственного осеменения и межвидовой гибридизации животных. Принимал участие в попытках вывести гибрид человека с другими приматами. Он является основоположником метода искусственного осеменения сельскохозяйственных животных, профессор.

[13] Михаил Андреевич Галаджиев (1885–1945) – в 1912 году окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1910 г. был научным сотрудником Биологической лаборатории на зоологическом отделении, где продолжал работать до 1918 г. ассистентом.

[14] Дмитрий Васильевич Наливкин (1889–1982) – русский советский геолог и палеонтолог. Академик АН СССР по Отделению геолого-географических наук (геология и палеонтология) (1946). Почетный член АН Туркменской ССР (1951). Герой Социалистического Труда (1963). Лауреат Ленинской премии и Сталинской премии первой степени.

[15] Андрей Сергеевич Фаминцын (1835–1918) – ботаник, ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1891), общественный деятель. Профессор, заведующий кафедрой физиологии растений Санкт-Петербургского университета. Основоположник Петербургской школы физиологов растений, автор первого отечественного учебника по физиологии растений (1887).

[16] Иван Парфеньевич Бородин (1847–1930) – русский ботаник, популяризатор науки, зачинатель российского природоохранного движения, один из основателей этико-эстетического подхода в заповедном деле и охране дикой природы, развивал идеи о культурной и моральной составляющей природоохраны. Изучал физиологию и анатомию растений. Член-корреспондент (1887), ординарный академик Петербургской академии наук (1902), Российской академии наук (1917), Академии наук СССР (1925).

[17] Николай Александрович Холодковский (1858–1921) – русский зоолог, поэт

переводчик, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Один из основоположников лесной энтомологии в России. Им был переведен на русский язык ряд известных немецких изданий по энтомологии, популяризовавших эту науку в России.

[18] Надежда Олимпиевна Зибер-Шумова (1856–?) – химик. Родилась в 1856 г. Слушала лекции Вагнера, Менделеева, Фаминцына, Бутлерова на так называемых Владимирских высших курсах в Петербурге, и под руководством последнего занималась специально химией. Выйдя замуж за профессора Н.И. Зиберы, окончила медицинский факультет в Берне и занялась физиологической химией под руководством Ненцкого, ассистенткой которого была назначена. В 1891 г. перешла в Императорский институт экспериментальной медицины помощником заведующего химическим его отделением. После 11-летнего самостоятельного (по смерти Ненцкого в 1901 г.) заведования химическим отделением была поставлена во главе его, получив права действительного члена института (первая женщина).

[19] Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) – князь, русский революционер-анархист, ученый географ и геоморфолог. Исследователь тектонического строения Сибири и Средней Азии и ледникового периода.

Известный историк, философ и публицист, создатель идеологии анархо-коммунизма и один из самых влиятельных теоретиков анархизма.

[20] Людвиг Эммануилович Нобель (1831–1888) – шведский и российский инженер, изобретатель, предприниматель и меценат, старший брат и деловой партнер знаменитого учредителя Нобелевской премии Альфреда Нобеля.

[21] Николай Васильевич Мешков (1851–1933) – известный российский купец, меценат, общественный деятель, основоположник высшего образования на Урале, предприниматель, спасший Пермскую губернию от голода и обеспечивший транспортную открытость Перми. В честь Николая Васильевича депутаты Пермской городской думы в 1916 году планировали назвать улицу, однако революция помешала этим планам сбыться.

[22] Материалы о подробностях экспедиции в основном взяты из статьи Б.В. Лукина, 1964, а также немного – из других источников (Танасийчук, 2003).

[23] Мирмекофильные растения – растения, в органах которых селятся муравьи. Это в основном яйцевидные или грушевидные выросты на листьях.

Библиография

- Вадимов П. И. Д. Стрельников – ученик Лесгафта и продолжатель его дела // Газета «Лезгафтовец». 2013. 18 февраля. № 2 (1643). С. 10–11.
- Великие русские экспедиции. Русские географы в Латинской Америке, хроника путешествий XIX в. / Под ред. А. С. Наумова. М.: АСТ, 2014. 376 с.
- Жервэ Н. Н. Жить – значит гореть. К 125-летию со дня рождения И. Д. Стрельникова // Санкт-Петербургский университет. 2012. 15 ноябр. № 14 (3856). URL: <http://journal.spbu.ru/?p=88602012> (дата обращения: 23.05.2017).
- Лукин Б. В. К 50-летию русской научной экспедиции в Латинскую Америку // Вестник АН СССР. 1964. № 6. С. 108–110.
- Стрельников И. Д. Анатомо-физиологические основы видообразования позвоночных. Л.: Наука, 1970. 368 с.
- Стрельникова Н. И., Стрельников С. И., Стрельников К. С. Иван Дмитриевич Стрельников (1887–1981). Путь в жизни и в науке. СПб.: ЛЕМА, 2017. 148 с.
- Танасийчук В. Н. Пятеро на Рио Парагвай. М.: КМК, 2003. 272 с.
- Танасийчук В. Н. Пятеро на Рио Парагвай. URL: <http://konkvistador.ru/paragv-nadejda/191-pyatero-na-rio-paragvaj> (дата обращения: 23.05.2017).
- Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования. Санкт-Петербургский государственный аграрный университет. Кафедра защиты и карантинных растений. История кафедры. URL: http://spbgau.ru/departments/iape/struktura/kafedry/kaf_zash_rast_i_kar/istoriya_kafedry (дата обращения: 13.05.2017).

IVAN DMITRIEVICH STRELNIKOV. PART 1. AN AMAZING LIFE

CHERLIN

Vladimir Alexandrovich

Dagestan State University, cherlin51@mail.ru

Keywords:

Biography
ecology
comparative physiology
evolution

Summary: The article devoted to a major Russian / Soviet biologist Ivan Dmitrievich Strel'nikov, his amazing trajectory of life. But now his work, unfortunately, is rarely remembered. He was born in a remote Russian village of Tambov province in a poor peasant family in 1887. Since childhood he had had important qualities: thirst for knowledge and love of nature. He finished the church-teacher school in Smolensk province, after that he studied at the Liberal high school of Professor P.F. Lesgaft in St. Petersburg. I.D. Strel'nikov was not only his student, but a colleague. Later he became a disciple and colleague of a wonderful biologist S.I. Metal'nikov. In 1914–1915 he took charge of the student group expedition to South America, which collected unique biological and ethnographic material. He worked in Italy at the Russian biological station in Villafranka, in Paris in the laboratory of I.I. Mechnikov and in the United States in the laboratory of T. Morgan. He was acquainted with I.P. Pavlov. He underwent his training in Germany and other European countries. While being a student, I.D. Strel'nikov began his teaching profession. At the same time he conducted active research. In 1935 he was conferred the degree of Doctor of Biological Sciences without thesis defense. He contributed to the creation of the Geographic Institute, that later became the geographical faculty of the Leningrad state University, worked at the Department of vertebrate zoology of biological faculty of the Leningrad state University. In the Zoological Institute he organized the laboratory of ecology and for some time headed it, taught at the Leningrad agricultural Institute, where he created the Department of Zoology and for a long time headed it. He studied a number of important problems of animal ecology, comparative physiology, anatomical and physiological basis of vertebrate evolution, and had more than 100 scientific publications. I.D. Strel'nikov worked in different regions of the Soviet Union from Arctic, Crimea, lowlands and highlands of the Caucasus, to the Karakum desert. He died in 1981 at the age of 93.

Received on: 11 June 2018

Published on: 15 October 2018

References

- Federal state budgetary educational institution of higher education. St. Petersburg state agrarian University. Department of plant protection and quarantine. The history of the Department. URL: http://spbgau.ru/departments/iape/struktura/kafedry/kaf_zash_rast_i_kar/istoriya_kafedry (data obrascheniya: 13.05.2017).
- Great Russian expeditions. Russian geographers in Latin America, travel chronicle of the XIXth century, Pod red. A. P. Naumova. M.: AST, 2014. 376 p.
- Lukin B. V. To the 50th anniversary of the Russian scientific expedition to Latin America, Vestnik AN SSSR. 1964. No. 6. P. 108–110.
- Strel'nikov I. D. Anatomical and physiological basis of vertebrate speciation. L.: Nauka, 1970. 368 p.
- Strel'nikova N. I. Strel'nikov S. I. Strel'nikov K. S. Ivan Dmitrievich Strel'nikov (1887–1981). Path in life and science. SPb.: LEMA, 2017. 148 p.
- Tanasiychuk V. N. Five on Rio Paraguay. M.: KMK, 2003. 272 p.
- Tanasiychuk V. N. Five on Rio Paraguay. URL: <http://konkvistador.ru/paragv-nadejda/191-pyatero-na-rio-paragvaj> (data obrascheniya: 23.05.2017).
- Vadimov P. I. I. D. Strel'nikov – Lesgaft disciple and continuator of his work, Gazeta «Lezgaftovec». 2013. 18 fevralya. No. 2 (1643). P. 10–11.
- Zherve N. N. To live means to burn. On the 125th anniversary of the birth of I. D. Strel'nikov, Sankt-Peterburgskiy universitet. 2012. 15 noyabr. No. 14 (3856). URL: <http://journal.spbu.ru/?p=88602012> (data obrascheniya: 23.05.2017).